

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ДЕНИС ШАБАЛОВ
ПРАВО НА МЕСТЬ

FUTURE CORP.

Annotation

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Он выжил и вернулся домой. Но кто встретил его? Пустота. Тишина. Смерть. Долгой была дорога, но путь его не закончен. Тот, у кого нет дома, кого лишили семьи и друзей – свободен для войны. У Данила Добрынина ни дома ни семьи больше не было. У него отныне не было ничего...

Но была цель.

Цель, которую нужно достичь во что бы то ни стало.

Денис Шабалов

Метро 2033: Право на месть

***

«Представлять этого автора поклонникам нашего проекта необходимости нет. Денис Шабалов известен своей фирменной убедительностью и в изображении людских характеров, и в подаче боевых сцен. А еще убедительней он преподносит читателю свое понимание права в экстремальных условиях человеческого бытия. Перед нами – логичное завершение «правовой трилогии», жесткая и бескомпромиссная книга, захватывающая с первых же страниц».

Дмитрий Глуховский

Что правит миром

Объяснительная записка Вадима Чекунова

Наверное, каждому из нас раз в жизни да хотелось если не прибить кого-нибудь насмерть, то хотя бы в морду дать или «небо в алмазах» показать, чтобы жизнь медом не казалась. В таких желаниях ничего плохого нет. Это наши инстинкты и рефлексy, заложенные природой. На нас нападают, наносят ущерб – мы вступаем в борьбу. Но это, как вы понимаете, вовсе не месть. Это так называемая «ответка». Ее цель проста: оградить себя от дальнейших «наездов». Это всего лишь элемент сдерживания врага.

Нельзя назвать местью и реакцию на конфликт, например, во дворе. Расчистили снег для авто, сходили отнести лопату, вернулись – а уже какой-то умник загнал свое корыто на ваш «пяточок» и ушел, довольно посвистывая. Ну как тут не спустить негодяю все четыре колеса, да не нацарапать несколько коротких, но емких слов на капоте. Но это импульсивное, деструктивное действие. Мелкое, какими бы сильными обида, возмущение и жажда справедливости нам не казались.

Мечь – намного сложнее по своей природе. Свое начало она берет с древнейших времен, с тех самых, когда едва забрезжил рассвет человечества, и она напрямую связана с самым сокровенным, что хранит каждый из нас в своем сердце. Она стала возможна лишь когда у наших предков появились понятия «семья», «любовь», «честь», «родина», «друзья», «идеал». Психологи утверждают, что месть зиждется на злости, обиде и ненависти. Но на самом деле это совершенная ерунда. Быть может, на поверхности и мелькают сполохи этих чувств, но далеко с таким «багажом» не уедешь. Тогда что же там, в глубине, в самой сути мести? Почему она так завораживает?

О мести слов сказано немало – в преданиях, песнях, книгах, фильмах... Больше рассказано лишь о любви. Неудивительно, ведь эти понятия тесно связаны. Мечь – устоявшееся явление в человеческой культуре. Мало того, еще и романтизированное. А какую-либо низость, как известно, воспевать не будут.

Из повести «О разорении Рязани Батыем» нам известно о воеводе Евпатии Коловрате. Когда он узнал о захвате татарами родной Рязани, помчался из Чернигова на спасение города и семьи, но застал лишь пепелище. Тогда Евпатий собрал отряд числом менее двух тысяч человек и нагнал огромное вражеское войско в суздальской земле. Бросился в яростную атаку, смял неприятеля, посеял панику и смерть в его рядах. Зарубил и выставленного против него татарского богатыря Товрула, ханского шурина, рассек его до самого седла. И до самого Батгя добрался бы, но погиб от камнеметных машин – иным способом справиться с ним враги не смогли.

На другом континенте, в другое время, предводитель апачей Джеронимо, после того, как взвод мексиканцев напал на индейцев и практически истребил их лагерь – в числе погибших были мать, молодая жена и трое детей Джеронимо, – стал настоящим кошмаром для «белоглазых», как называли чужаков индейцы. Он убивал их всюду, где встречал, без раздумий и жалости. Одного имени его, выкрикнутого, хватало, чтобы все начинали выпрыгивать из окон домов и бежать наутек. С кличем «Джеронимо!» прыгают американские десантники в наши дни, отдавая дань легендарной мстительности вождя.

В наши дни Цзя Цинлун, простой крестьянин из деревушки на севере Китая, лишился

своего дома, попавшего под плановый снос. Отказался покидать его, но полиция вытаскала бедолагу на улицу, на глазах соседей избивала, а дом разрушили рабочие. В квартиру в многоэтажке униженный крестьянин въезжать отказался. Ко всем бедам прибавилась и сорванная свадьба – родня невесты отказалась отдавать ее за растоптанного местной властью бездомного. Долгих два года Цзя Цинлун вынашивал план мести, пока не застрелил из переделанного гвоздомета чиновника, виновного в его унижении. Высшую меру наказания, определенную китайским судом за нападение на официальное лицо, он принял равнодушно.

Архитектор Виталий Калоев, потеряв по вине диспетчера в авиакатастрофе жену, сына и дочь, поехал в чужую страну и разыскал виновного. И после неудавшейся попытки разговора убил нераскаявшегося работника на пороге его дома.

Что двигало этими людьми в их стремлении отомстить? Неужели именно ненависть, то самое «интенсивное, длительное, отрицательно окрашенное деструктивное чувство», как определяют ее словари? Нет, конечно.

В основе праведной мести всегда лежит любовь. К родине, к семье, к дому, ко всему, что нам дороже всего на свете. И вот когда этого нас пытаются лишиться, мы обретаем право и на силу, и на месть. Возможно, нам не вернуть того, что мы потеряли. Но во имя любви к утраченному мы обязаны действовать.

Не ненависть правит миром, а любовь.

А любовь нужно защищать.

Домой.

Две тысячи километров. Два месяца пути. Два месяца одиночества. Все время один – с кем поделиться, кому поведать тот страх, что гложет тебя изнутри? Днем еще терпимо – мозг следит за дорогой, маршрутом, опасностями, что подстерегают на каждом шагу, насторожен по-звериному, напряжен – и это гонит иные мысли прочь. Но ночью... Долгими ночами все мысли были заняты только одним – домом. Семей. Убежищем.

Тяжело.

Так тяжело, что и заклятому врагу не пожелаешь. Страшная судьба – потерять разом всех, кто тебе так дорог, всех, кто окружал тебя всю твою сознательную жизнь, с кем ты делил печали и радости, надежды и разочарования... Те ночи слились для него в одно темное кошмарное пятно – и Добрынин знал, что только надежда удержала его на краю черной пропасти безумия.

Надежда – и жажда мести.

Известие о том, что полковник оказался предателем, выбила землю из-под ног, оглушила его. Наставник, второй человек после деда, тот, кому он свято верил и на кого полагался, может быть, больше всего на свете – оказался гнидой. И за этим страшным фактом поначалу скрылся другой – тот, что Паук, убийца отца, остался жив.

Дела давно минувших дней забываются. Тем более – если сам не присутствовал при том, а лишь ощущаешь всю свою жизнь отголоски произошедшего. Но Данил не мог забыть. Он помнил свои детские страхи, помнил сны, в которых к нему снова и снова приходил сержант Паутиков. Он помнил свою ненависть. Подернувшись тонким слоем пепла, угли лежали где-то в самой глубине его души... но стоило лишь бросить хвороста – и огонь проснулся.

Тот, у кого нет дома, тот, кого лишили семьи и друзей – свободен для войны. У Добрынина ни дома ни семьи больше не было. Не было и боевого товарища – он остался лежать там, на поле боя, со взрезанным от уха до уха горлом. И это тоже настойчиво требовало ответа.

У него отныне не было ничего...

Но была цель.

Цель, которую нужно достичь во что бы то ни стало.

Глава 1

Дом

Дождь лил пятые сутки.

Первые два дня он мешал, раздражая своей унылостью и назойливостью, потом Добрынин привык, притерпелся, – а сегодня был ему даже рад. Эта осенняя дождливая серость, установившаяся за окном, точь-в-точь соответствовала его настроению, еще больше вгоняя в ступор и черную меланхолию. Заниматься чем бы то ни было не хотелось совершенно. Хотелось сидеть и тупо пялиться за окно – на косые струи дождя, барабаниющие по подоконнику, на свинцовую муть, обложившую небо до горизонта, на капли, стекающие по стеклу... Он и сидел. Погода навевала апатию и, подчиняясь ей, так же вяло, словно снулая рыба, выброшенная на берег, текли его мысли.

Отсюда, с пятого этажа, окраина города лежала как на ладони. Дом стоял чуть поодаль от остальных строений, да и строений-то тех осталось... С востока кварталы частного сектора – развалюхи домов, бань да сараюшек; с запада те же развалюхи, но только уже громоздкие серые коробки трехэтажек; с юга бывшая лётная часть, расформированная лет за пятнадцать до Начала, в лихие девяностые, а с севера – чистое поле вплоть до разрушенного моста, где когда-то несколько дней простоял бронепоезд. Вроде и недавно это было, в начале лета – а, кажется, времени минуло не три месяца, а года три как минимум. Эх, знать бы тогда... Развернули бы с Губой башню – да в упор и вдарили. Бронебойным. И пока охрана не опомнилась – на таран его, на таран! Ударить, опрокидывая вагоны под откос, смять – а потом расстреливать из башенного пулемета все что движется, давить этих мелких ублюдков, в ужасе бегущих вокруг, плющить, наматывая кишки на траки, пока ни единого в живых не останется!..

Эх, да что теперь говорить...

Добрынин судорожно вздохнул, поежился, сжав лицо в ладонях, потер щеки. Прохладно. А он еще и дверь балконную открыл... Вроде бы и осень только-только в свои права входит, середина сентября – а на улице градусов пятнадцать, вряд ли больше. Хотя – и сидит-то он в одном только стареньком комке. Во внешние комнаты вентиляцию они с Санькой не вели, только во внутренние. Да и зачем тут вентиляция... Стекла уцелели только в двух комнатах по периметру этажа, во всех остальных расколочены, и для ветра раздолье и для радиации. Хотя, надо признать, фонило тут слабо, редко когда до двух рентген поднималось. А в дождь и того меньше – пыли-то нет. Данил вяло пошевелился, протянул руку, поднял с пола пощелкивающий иногда дозиметр – так и есть. Полрентгена. Делов-то... Ничего, можно и без защиты посидеть. Почувствовать ветер на лице, капли дождя, летящие в открытую фрамугу...

Раньше он как-то не замечал неудобств. Не понимал, каково это – все время в комбинеzone и противогазе, закупоренным, дышать мертвым фильтрованным воздухом. Это было обыденной необходимостью, нормой. Старое поколение приняло новые правила, сжилась с ними, а молодое так и вовсе не знало других норм поведения. В голове не укладывалось, как это можно на поверхности без защиты находиться.

Поход на север перевернул все его представления. Оказалось, что это вовсе даже не норма, а тяжкая необходимость. Бремя. Половину жизни он провел в ОЗК – и отвык от его

тесного и муторного плена всего лишь за две недели. Хорошо еще, что уник, боевой трофеей, в этом отношении был куда как удобней. Внутри его панциря создавался свой микроклимат, ткань каким-то непостижимым образом дышала, не пропуская радиоактивную пыль, и оставаться в нем можно было сколь угодно долго, не испытывая при этом неудобств. Не будь комбинезон так удобен, Добрынин вряд ли смог бы пройти две тысячи километров и вернуться домой, потратив на это чуть больше двух месяцев. Конечно, без энергоподпитки функционал его был куцым – но для его нынешнего носителя уже одно только это его свойство было неслыханным подарком, не говоря уж о прочих достоинствах.

Место, где напарники когда-то тысячу лет назад устроили свой схрон, было подобрано со вкусом и разборчивостью. Еще тогда, в первом долгом рейде, когда пришла в голову мысль оборудовать свое личное убежище, он принялся обдумывать, какие же требования должны предъявляться к подобному жилищу.

Во-первых – скрытность от посторонних глаз. Значит – это либо подвал, либо – наоборот, открытая всем взглядам точка. К примеру – квартира в любом многоэтажном доме где-то на окраине. Не зря ведь говорят: хочешь что-то хорошенько спрятать – положи на видное место. Под это требование как нельзя лучше подошло пятиэтажное здание, стоящее чуть на отшибе, на окраине города.

Во-вторых – быстрый и безопасный подход, вдали от крупных гнездовых мутировавшего зверья. Правда, пришлось следить и принимать превентивные меры, если такие обнаруживались вблизи – но тут уж деваться некуда, безопасность того требовала.

В-третьих – достаточно просторное помещение, чтобы вместить минимум десять человек. И это условие выполнить удалось – они просто забрали под схрон весь верхний этаж. Те комнаты, что выходили внутрь дома и не имели окон – коридоры, лестничные клетки, прихожие, – переоборудовали под жилые, а внешние оставили как есть, устроив в них наблюдательные посты. Прodelали проходы в стенах из комнаты в комнату таким образом, чтобы можно было обойти по периметру внутри весь этаж – и получили круговой обзор местности.

В-четвертых – оборонопригодность. Даже один человек должен был иметь возможность сдерживать нападающих неопределенно долгое время. С этим было легче всего. Вход оставили только один, в среднем подъезде, соседние завалили всяким хламом, натаскав с окрестных улиц ржавого металлолома и забив лестничные пролеты до третьего этажа. А еще Санька ухитрился добыть несколько семечек одуванов и высадить на улице у дверей. Это, пожалуй, было понадежней чем завалы – эти растения боялось даже зверье. Научено горьким опытом. Конечно, от суровых мер, вроде капсулы РПО или снаряда РПГ в окно, эти предосторожности не спасали – но от подобных напастей только заглубленный бункер спасет, а подземелья ребятам, познавшим все прелести поверхности, надоели хуже горькой редьки.

Ну и напоследок – путь отхода. Под него приспособили трубу мусоропровода, достаточно обширную даже для широкоплечего Данила. Вывесили внутрь трос, зачистили подвальное помещение, убрав кучи сгнившего до серой трухи мусора, и эвакуационный путь стал – загляденье. Он выводил в подвал, откуда по бетонной кишке теплотрассы можно было попасть в коллектор рядом со зданием, на пустыре, заросшем кустарником и высокой травой. Ну а там уж дело техники. До ближайших развалюх на окраине города – метров двести. А дальше ищи ветра в поле...

Верхние квартиры отмыли, обеззаразили, укрепили, утеплили, поставили печку-

буржуйку, развели по комнатам дымоход и вывели наружу, провели вентиляцию – работы в то лето им хватило... Вот только по-настоящему воспользоваться жилищем у них так и не получилось. Использовали его все больше как перевалочную базу или временное убежище. Была у Данила мысль отселиться от Убежища, основать свою колонию – да старшая отказалась на отрез.

– Ушли вы с Сашкой в рейд – и пропали... И что нам тогда делать? Как до вокзала с другого конца города добираться? – спросила Иринка, и Данил о том больше и не заикался.

Права на сто процентов.

Да и потом... Вздумай они все же отделиться от Убежища и обосноваться здесь, независимость этого маленького хуторка была бы лишь иллюзорной. Все необходимое для жизни хранилось там, на складах Убежища и создание автономного запаса, на котором можно прожить достаточно долгое время, вряд ли возможно даже для таких успешных и удачливых сталкеров, как Данил и Санька. Те же фильтры для вентиляции являлись стратегическим запасом и отпускались со складов только для нужд Убежища. Отделился? Ищи сам и обходись своими силами.

Иринка, вообще, частенько дельные мысли подавала. Может быть потому и приглянулась, что не только красавица и хозяйственная, но еще и умница?.. И ведь в последний раз уж как не хотела, чтобы муж уходил – неужели сердцем чувствовала?.. Добрынин вздохнул. А теперь вот нет ее. И никого больше нет... Все просрал в погоне за добычей. И хотя за Убежище шли воевать, за жизнь родных и близких – да не легче от того. Погибли люди. Пусто теперь Убежище, оттого и город пуст. Только мутанты по грязным улицам шастают.

Когда-то давно Данил нашел в библиотеке кипу журналов «Вокруг света». Много удивительного и интересного было на его страницах – но одну статью, и фотографии в ней, он запомнил особенно отчетливо. Остров Хасима в Японии. Десятки лет остров был местом добычи каменного угля. Была шахта, был огромный город с населением в несколько сотен тысяч человек. Потом месторождение обеднело – и люди ушли с острова, бросив свое жилье. Доступ на остров был закрыт властями Японии. Но однажды туда проник фотограф... Он бродил по острову несколько часов, фотографируя хаос и запустение, оставшееся от многотысячного города, пустые улицы и площади, по которым когда-то ходили толпы народа, ветшающие дома с темными провалами окон... Мертвый город. Может быть сама атмосфера этого города повлияла на него?.. Назад он вернулся не таким, каким уходил. Уходил он в ясном уме и твердой памяти – а пришел полусумасшедшим. Так вот и сам Данил в эти дни не раз был близок к подобному состоянию. Без людей город был мертв. Он был тут один, как Робинзон Крузо в окружении зверья. Будь с ним хотя бы верный Пятница – Санька – кое-как существовать было бы можно. Но в одиночку... Сколько можно прожить так, не тронувшись умом?..

За эти несколько дней, что Добрынин, вернувшись, жил в городе, он бывал в разных состояниях.

Сначала, увидев разрушенное Убежище, он впал в такое бешенство, что, казалось, в лоскуты порвал бы сейчас голыми руками всю Бригаду, всех бойцов, одного за другим. Он успел добраться до схрона – а здесь свалился, дрожа, словно в лихорадке. Адреналиновые удары колотили так, что казалось – не выживет. Каждая, даже самая мелкая мышца, каждое волоконец ее, дрожали, ходили ходуном, бились под кожей, словно у смертника на электрическом стуле. Это было похоже на эпилептический припадок с той лишь разницей,

что Добрынин полностью контролировал свой мозг, сохраняя невероятную ясность мысли.

Ночь прошла в борьбе с самим собой, со своим телом – а утром все закончилось. Выжатый словно лимон он лежал на топчане у холодной печурки, а мысли постепенно наливались горьким отчаянием. Все это время, пока он шел домой, он гнал от себя страшное. Он надеялся, что Убежище еще живет, сопротивляется захватчикам, цепляется за жизнь. Да, положение могло быть отчаянным – но он, вернувшись, внес бы посильный вклад. Кто знает – может и отбились бы?.. Ну а нет – так и лег бы там же, вместе со всеми. С друзьями, с семьей... А что теперь? Начинать жизнь заново? Для чего? Для кого?! Куда идти, кому он нужен теперь, последний из могикан? Последний человек Убежища...

Мудрый старик Будда говорил: жизнь – страдание; причина всех страданий – желание. Так не проще ли отдаться течению и спокойно плыть, сложив лапки и глядя, как мимо проносятся берега... Ничего не желать, ничего не ждать от жизни? Может быть, все же прав был Пиво в своем фатализме? Может быть, так и правда легче? Так что же – плюнуть и забыть?.. Месть, конечно, дело благородное – но кому это теперь нужно? Разве что ему самому... Есть ли смысл теперь бороться и жить? И для чего? Жизнь положить, поставив себе целью месть? Стоит ли оно того? Людей не вернешь, так нужно ли это?..

Весь день он провалялся на топчане, вставая лишь, чтобы нацедить воды в стакан. Разжег печурку – ночью пошел дождь, и в жилище сейчас было прохладно, – немного поел ближе к вечеру... но все это как-то вяло, словно плавая в зыбком полусне-полуяви. Все казалось ненужным и никчемным, и даже ел он словно по привычке... сознание не хотело больше жить – но тело требовало своего. Так же на автомате он улегся спать. Прошедшая ночь была тяжелой, отняла много сил, и Добрынин, едва лишь прилег после ужина – тотчас же провалился в сон без сновидений.

Следующее утро принесло с собой перемены.

Ярость. Расчетливая. Холодная. Разрушительная. Это было странное и жуткое чувство – нечто подобное он довольно часто испытывал в бою и на тренировках по психологии, работая со своим собственным подсознанием, пытаясь подчинить его себе. Нечто подобное – но куда как слабее. Та ярость была лишь отголоском, слабым подобием... Теперь же это была всепоглощающая ярость бойца, выходящего на тропу войны, ярость хищника, отслеживающего жертву. Ярость – и жажда мести.

За Убежище.

За друзей.

За семью.

Ярость принесла с собой и жажду деятельности. Добрынин, пребывая в этом странном, словно звенящем, сосредоточенно-холодном состоянии бешенства, вычистил оружие, снаряжение и комбинезон, так и валявшиеся грязными в переходном тамбуре, провел ревизию запасов, составил список предметов первой необходимости, продумал планы на ближайшее будущее. По всему выходило, что делать в городе больше нечего. Подождать еще Шрека со Счетчиком, еще немного, недельку – и можно отправляться. Куда и зачем – он пока представлял себе слабо, но мысль работала в этом направлении и он был уверен, что план рано или поздно составит.

В этот же день он нашел в себе силы навеститься к Убежищу. Да, тяжело – но Данил понимал, что это необходимо: нужно было хоть как-то дать знак ребятам, где только возможно разложить коротенькие записочки с его нынешним местонахождением, а еще лучше – с местом встречи.

Он все еще надеялся, что Ван и Шрек вернутся домой.

У старика-шамана они так и не появились. Хотя сам Добрынин и опоздал на сутки – но по тому, что все в доме оставалось так же, как и в то утро, когда бригада покинула его, и уже покрылось легким налетом пыли, он понял, что сталкеров здесь не было. Он прождал три дня, столько, сколько смог, сколько выдержали нервы, а потом ушел, пополнив припасы из кладовой старика. Надеялся, что друзья, следуя его приказу, ушли раньше и что он все же найдет их в родном городе...

Тьма многое скрыла в ночь его возвращения, но день теперь показал тот ад, что довелось испытать защитникам в последние часы своей жизни. Убежище взламывали тяжелым оружием – проломы в стенах, расколотые пополам бетонные блоки, из которых частично состояло здание, сорванная «колючка», разбитые прожектора, кривые прутья арматуры, торчащие в разные стороны, словно пальцы окоченевшего трупа, вывороченные оконные рамы, покосившиеся ветряки с уныло вращающимися на ветру и скрипящими лопастями... Северное крыло, видимо, били долго и основательно – именно в нем располагался вход в подвал. Вся торцевая стена рухнула, бесстыдно оголив внутренности здания. Видна была караулка с печкой-буржуйкой, которая обычно пустовала летом, но куда частенько забегали погреться и выпить чайку во время дежурства зимой... Рядом – комната медика и начальника караула с мощным насыпным сейфом – его, помнится, приволокли из здания администрации элеватора Ариец с компашкой, потратив на этот короткий отрезок пути почти половину дня. Угловые комнаты с пулеметными гнездами разворочены – сюда лупили прицельно, работая на подавление. Одна из машинок валялась на битых кирпичках под стеной здания – измятая, искореженная – и рядом с ней, такое же, лежало тело во вздувшемся от запертых под резиной гнилостных газов комбинезоне. Площадь – вся усеяна мусором, плавающим в лужах, сиротливо мокнущими под дождем обломками кирпичей, досок, шифера, осколками, обрывками тряпья... И – кости. Много костей. Они были разных размеров и попадались даже совсем маленькие – Братство не щадило никого. У восточной стены, на которой отчетливо виднелись следы крупного калибра, они вообще лежали грудой – кажется, это была расстрельная стенка.

Налепив по всему зданию вокзала два десятка записок с одним и тем же текстом, Добрынин с тяжелым сердцем поплелся обратно.

К вечеру ярость ушла. Он сидел у окна, глядя на клубящуюся над городом тяжелую мглу, на хлещущие струи дождя, на ветер, бросающий в окна водяную пыль – и она постепенно таяла, уступая место какому-то мрачному удовлетворению и твердокаменной уверенности. Он знал, что обязательно вернется. Не надеялся, не верил – знал. Он смаковал, понимая, что рано или поздно настанет и его час. Пусть они пока поживут. Пусть проникнутся. Пусть полковник расскажет Пауку, на что способен тот, кого он предал. Он – лучший! И это заслуга полковника – он неустанно вбивал эту истину в головы своих воспитанников и заставил их поверить в себя. Он один – но и один в поле воин. Разведать местность, тропы, дороги, подготовить пути отхода, ловушки, засады, развязать партизанскую войну, устроить Братству геноцид, отстреливая по одному всех выходящих за периметр. Он был способен на это. Волчьей тактике полковник обучил своих воспитанников в полной мере. Ударил, отошел – и снова скрытно подошел для следующего удара. Одна мобильная боевая единица может многое, особенно когда она очень хорошо подготовлена, вооружена и одержима жаждой мести.

Эта уверенность была с ним весь следующий день.

Данил вновь сходил к Убежищу, но опять не решился войти внутрь, хотя понимал, что это лишь вопрос времени. На запасах, хранящихся в схроне, долго не протянешь. Тушенки оставалось на две недели экономного питания, воды и того меньше. В жилище стоял большой бак на триста литров, но воды в нем было мало – не озаботились наполнить перед уходом. Не до того было. Оставалось на донце, литров двадцать – и они уже заканчивались. Нужны были фильтр-патроны и кислород для вентиляции, хотя бы на месяц провизии, боезапас, теплая одежда, фильтры для противогаса... да много еще чего! Он все же надеялся, что склады Убежища выгребли не подчистую. Понимал, что рано или поздно он должен попасть внутрь, и чем раньше – тем лучше, но словно какая-то стена внутри, – а еще больше детские сны – не давали ему ступить и шага за порог.

К вечеру уверенность постепенно перешла в новое состояние – он начал бояться. Бояться, что не успеет. Много может случиться за это время, пока он будет готовиться – а ведь подготовка требовалась основательная. Жизнь не запланируешь. В какой-нибудь стычке в очередном рейде может погибнуть майор. Или предатель Родионов сдохнет безвременно, уйдет от справедливого возмездия. Да и сам Паук! Стар уже должен быть – сколько еще проживет? А шкуру этим троим содрать самолично хочется... Конечно, Добрынин не планировал заниматься подготовкой несколько лет – но и такой вариант исключать нельзя. Да в конце концов Братство просто может сняться и уйти на другую базу! Конечно же, не убоявшись его мести – противник силен, что ему какой-то недобиток, – а по любой другой причине. И что тогда? Где искать? Ползать по континенту, вынюхивать следы? На это можно жизнь положить, но так и не достичь цели...

На волне этой боязни он начал лихорадочные сборы.

Вычистил еще раз оружие и магазины, наточил ножи и лопатку, помыл комбинезон, подшпопал и уложил рюкзак, разложил предметы первой необходимости по карманам разгрузки и транспортным подсумкам пояса, заполнил водой гидратор, провел инвентаризацию аптечки... Долго сидел над картой, подсвечивая потрескивающей лучинкой и планируя маршрут. Четкого плана пока не было, но Добрынин все больше и больше склонялся к походу в Пензу. Надежда была призрачной – однако... Вдруг да и найдется там кто-то, кто сможет помочь в его нелегком деле? При том, что и этот-то вариант был сомнителен донельзя – иного у него просто не было. А еще больше не давала покоя загадка, загаданная Сказочником – Данилу до жути хотелось узнать о Зоологе. Вдруг и правда – брат или еще какой родственник... Чем черт не шутит!

Но – все это было вчера. А сегодня с самого раннего утра дождь зарядил с новой силой и Данил, понимая, что необходимо трогаться в путь, все же остался сидеть дома. Выпросил еще день сам у себя, решив во что бы то ни стало попасть сегодня в Убежище.

Отдать последний долг.

Попрощаться.

Ливень вдруг как-то разом утих, превратившись в накапывающий мелкий дождь. В разрывы туч проглянуло висящее в самом зените солнце. Зевнув и потянувшись, он тяжело поднялся с кривобокого подобия табурета, сколоченного когда-то Сашкой. Под лежащий камень вода не течет. Сколько ни сиди – ничего путного не высидишь. В запасе только этот день, от которого и так осталась половина. Завтра в путь и остаток сегодняшнего дня нужно было потратить максимально продуктивно.

Спустя полчаса из темного провала подъезда вывалилось лоснящееся чернотой,

невероятно широкоплечее, глыбоподобное чудовище двух метров ростом. Ни дать ни взять – здоровенный черт, вынырнувший из мрака подземелья... Монстр постоял немного на крыльце, обозревая местность вокруг – и вдруг, сорвавшись с места, набирая скорость помчался в сторону разрушенного моста. Толстыми канатами змеились по телу мощные мышцы, придавая чудовищу сходство с обожравшимся стероидов качком на пике карьеры; подошвы ботинок, похожие на раздвоенные копыта, жестко били в землю, перепахивая мягкий после дождя чернозем и оставляя в нем здоровенный овальный след... Впечатление портил лишь противогаз – хотя отделение ранца жизнеобеспечения было забито фильтрами под завязку, Добрынин все же берег их, надевая шлем лишь в критических случаях. По своим размерам он был небольшим, чуть больше головы, и прекрасно помещался в то отделение ранца, где прежде находился баллон для системы дыхания замкнутого цикла. Все равно без энергоподпитки система бесполезна – так чего полезный объем занимать?

За два месяца Данил привык к своему боевому трофею. Комбинезон давал странное чувство защищенности – и не зря, совсем не зря! Трехслойный демрон, в котором можно плюнуть на нынешнее уличное излучение, почти не принимая его в расчет, броня шестого класса, прирост силовых показателей – Добрынин чувствовал себя ходячей цитаделью, эдаким рыцарем в неуязвимом для простого пехотинца боевом доспехе. Конечно, слабые места присутствовали и здесь – места сочленений брони, гибкая ткань в паху и под мышками, шея, локти, колени, частично – голова, – но площадь их была очень мала по сравнению с общей площадью бронирования. И Данил уже убедился в надежности уника. Испытать его в бою удалось уже не единожды – но комбинезон выдержал все испытания с честью. А ведь опасался вначале полностью довериться уника. Взять хотя бы тот самый бой, когда пришлось вплотную столкнуться с противником. Хотя – как сказать, бой... Однажды вечером, забравшись в поисках ночлега в разрушенный дом, одиноко стоящий у тракта, он наткнулся на засаду, устроенную джентльменами удачи. Дорога была езженная, судя по следам, оставленным на глинистой земле, последний караван прошел здесь с неделю назад – и бандиты, видимо, поджидали следующий. Увидев громадное черное создание, с трудом протискивающееся в парадную дверь, веселые ребята, позабыв все на свете, дернули со всех ног через заднюю. Однако последний – видимо, считавший себя героем, а может просто полный идиот – все ж успел пальнуть из «калаша» по страшной черной фигуре. Очередь прошла через грудь и три пули нашли свою цель – однако вреда не причинили. Добрынин почувствовал лишь легкие толчки и только – «жидкая броня» и амортизационная прокладка отработали на «отлично», скомпенсировав пришедшую энергию и распределив ее по всей площади нагрудной пластины. Шустряк в ответ получил заряд картечи, разворотивший правый бок, и потом долго умирал под дверью, оглашая окрестности стонами, матерными воплями и призывая на помощь дружков. Добрынин же, осмотрев комбинезон, нашел только мелкие царапины на поверхности грудной пластины.

Еще издали, пробегая мимо памятной гостиницы, где они держали совет перед угоном танка, он заметил, что у моста трется небольшое семейство вырожденцев. Притормозил, щелкнул фастексом трехточки, притягивая дробовик к груди и приводя его в походное положение, вытянул из подсумка бинокль. Четыре особи – старый, седой, весь в шрамах патриарх, две самки и совсем еще молодой детеныш, ростом не выше метра. Выродки рылись в куче мусора и, приглядевшись, Данил сообразил, что кучу эту оставили стоящие тут в начале лета бойцы с бронепоезда. Иначе откуда б ей еще взяться?

По большому счету вырожденцы были не страшны – заметил издали, можно хоть сейчас

отстрелять. Но патроны... Пять коробочек по десять, да плюс та коробочка «шершней», что майор дал – и все. А впереди путь не близкий и неизвестно еще, что приключится. Пусть себе копаются... Поправив ремень винтовки, висящей за спиной, и сунув бинокль обратно в подсумок, Добрынин свернул налево, и, пробравшись через подлесок, отгораживающий железнодорожную насыпь, выбрался к рельсам.

Яма внушала уважение. После той ночи он тут больше не бывал – как-то закрутилось все, завертелось... Сначала воевали, потом мирились, а затем уж и в поход собирались... Но Паникар, помнится, говорил, что воронка получилось знатная, и Добрынин теперь убедился, что это так. Солидный кусок насыпи просто исчез, как не было; взрыв разворотил ее, оставив здесь огромную яму. Это какая же силища нужна, чтобы поднять в воздух такую уймащу грунта?! Данил усмехнулся – Бабах знал толк в своем деле и доказывал это с завидным постоянством.

И все же, хотя часть насыпи и была уничтожена – даже с первого взгляда было видно, что над веткой основательно поработали. Все перекрученные и порванные рельсы, здоровенные куски бетонных шпал – аккуратно отрезаны и уложены в сторонке, пути расчищены от обломков, почти до самой ямы с обеих сторон подведено новое полотно. Восстановить пытались?.. Даже гадать нечего – работа Братства, больше никому. Пытались восстановить путь, но что-то не срослось? Получается, что в сторону Пензы им теперь хода нет...

Постояв немного на краю ямы, которая из-за дождя превратилась в заполненную водой западню с опасно оползающими стенками, и полюбовавшись на побочный результат диверсионной операции, Добрынин потопал дальше.

Пока шел мимо зоны – все посматривал на «зеленку». Лесок, отгораживающий ее от железнодорожного пути, разросся – хотя раньше, говорили, тут и было-то три деревца и два кустика – и надежно скрывал ее теперь от глаз назойливого наблюдателя. Что там и как – Данилу всегда было любопытно, но останавливал страх. Те первопроходцы... Так ведь и исчезли из собственных отсеков. Как, куда, почему – никто не знал. Будто растаяли в воздухе... А может даже и растаяли – поди знай. Отсеки были заперты изнутри, второго выхода просто не было – ни окон, ни дверей, и через вентиляцию не пролезть – туда разве что малой ребенок поместится... Когда вскрыли – в отсеках чистота и порядок, никаких следов борьбы... Исчезли люди, как не было...

Размышления его вдруг прервал долгий тоскливый вой издалека и затем – зловещий хохот, от которого словно морозом продрало кожу на спине, от копчика до загривка. Данил дернулся было, ухватившись за рукоять дробовика, но тут же, установив источник, через силу усмехнулся – Сазань-гора в очередной раз напоминала о себе. Днем этот вой звучал как-то... неуместно что ли. Другое дело – ночью. То-то Губа тогда испугался... В окрестностях Убежища не слышать, а сюда он за всю свою жизнь после Начала хорошо если раз-другой выбирался. Вот еще тоже загадка... За все время, что сталкеры заново осваивали город, пробраться на Сазань-гору так никому и не удалось. Сначала на цепь локалок натыкались, излучение шпарило за тысячу, а потом, лет через пять, когда уже можно было попытаться в демроне пролезть – хохот не пускал. Демронов мало – а хохот жуткий, небольшой компанией лезть не очень-то хотелось...

Родник, прибежище комаров, удалось миновать без проблем – насекомых разогнал зарядивший опять мелкий нудный дождь. А вот подстанцию как всегда пришлось обходить. Выродки предпочитали игнорировать такую досадную мелочь, как льющаяся с неба вода, и в

бинокль Данил видел, как они, словно макаки, даже в дождь продолжают ползать по фермам высоковольтных опор, прыгать на ржавеющих трансформаторах, качаться на свисающих гирляндах изоляторов или высокочастотных фильтрах. Оборудование за двадцать лет порядочно сгнило и заржавело и порой бывало так, что какой-то элемент не выдерживал дополнительного веса и обрывался – несколько раз Добрынин видел это лично. Тогда выродок, вереща, летел вниз – а там уж как повезет. Правда, тут в дело вступал такой фактор, как невероятная живучесть мутантов. Те случаи, свидетелями которых ему случалось быть, заканчивались удачно. Но вот Герман, например, рассказывал, как на его глазах одного из выродков буквально расплющило рухнувшей фарфоровой колонкой высоковольтного выключателя, а второй запутался в свисающих шлейфах и, попав шеей в петлю, самоудавился. Однако выродков эти несчастные случаи на производстве абсолютно ничему не учили – они продолжали все так же весело резвиться среди аварийного оборудования. Оно и немудрено – по интеллектуальному развитию эти мутанты сейчас стояли чуть выше обезьяны.

Сделав большой крюк по лесу, он выбрался на насыпь уже у северной окраины машиностроительного завода. Огляделся – чисто. Тихо вокруг, спокойно, ни единого организма в пределах видимости не наблюдается... Ну и хорошо – лишний шум поднимать не стоит. Зверье очень быстро реагировало на любой шум и сбегалось на него с завидной скоростью. Двигаясь как терминатор, кося все живое на своем пути, можно было очень быстро нарваться на того, кто тебе не по зубам. От куропата не убежишь, разве что нечто основательное на пути попадется, куда быстренько взобраться можно. Иначе – смерть.

Обезлюдившее здание вокзала, где лежало столько пищи, манило зверье со всей округи. Сразу после штурма здесь, вне всяких сомнений, был неслыханный кровавый пир – об этом свидетельствовали обглоданные до белизны кости вокруг. И хотя время того изобилия уже прошло, зверье все еще навевалось сюда, дожирая то, что еще не успело дожрать... Вот и сейчас. Уже на подходе Добрынин заметил большую стаю собак, рыл в двадцать, крутившуюся у дверей на площадь перрона. Стая грызлась. Прижав уши к затылку и ощерив клыкастые пасти, грозно рычали матерые кобели, отбреживались молодые первородки, лаяли суки, звонко тьякали щенята... Свора вытащила наружу три тела в комбинезонах, и самцы ссорились теперь за право первым вонзить клыки в разлагающееся, и именно потому такое привлекательное и душистое, мясо. Данил скривился. В первый день у него еще была мысль стащить все тела внутрь и замуровать входы, устроив братскую могилу, но едва увидев площадь перед вокзалом при свете дня, он отказался от своих намерений. Костей здесь было больше, чем хвороста в лесу, и понадобилось бы слишком много времени, чтобы собрать их все. Да и был ли смысл?..

Но и просто так спускать собачкам этот пир – нельзя.

Подобравшись поближе и засев за бетонный оголовок воздуховода, он вытащил две «эфки». Хрен с ним, пошумим уж. Когда они еще свалят, нажравшись – а попасть внутрь нужно побыстрее. Дозиметр показывал третий час дня, темнеет осенью рано, а бродить по ночному городу в одиночку не рекомендуется. И ведь неизвестно еще, сколько он внутри прокопается...

Рванув оба кольца разом, одну за другой он отправил гранаты прямо в центр стаи. Первая попала в голову одному из щенков, заставив его обиженно тьякнуть и поднять голову в поисках обидчика. Вторая, покотившись, остановилась под брюхом у матерого облезлого патриарха. Пес сунулся носом, обнюхивая незнакомый предмет, ощерился, почуяв ненавистный запах человека...

Гранаты ударили синхронно. Радиус сплошного поражения – пять-семь метров. Стаю, крутившуюся на одном месте, подбросило изнутри, словно из-под земли пробился невесть каким образом образовавшийся тут гейзер. Осколки хлестнули во все стороны, терзая собачьи тела раскаленными стальными жалами, пробивая разом по две-три особи, кромсая облезлые шкуры и отрывая конечности. Добрынин поднял дробовик, выцеливая тех, кому не повезло остаться в живых. Трое – матерый серый кобель и два щенка. Выстрел – кобелина, ползущий на одних передних лапах и волочащий за собой сизую гроздь кишок, завалился на бок. Второй – и визжащего щенка, сдуру бегущего туда, где спрятался человек, перевернуло в воздухе, окровавленной тряпкой бросив на землю. Третий – и картечь, попав в бок второму щенку, кинула его прямо на тела тех, кто должен был стать его пищей. Добрынин, сидя за тумбой, криво ухмыльнулся, припомнив вдруг, как в первый коллективный выход не мог заставить себя стрелять во время зачистки кварталов по детенышам вырождков. Сколько прошло с тех пор? Три года? Четыре? Пять? А кажется – не меньше десятка. Полковник говорил, что на войне год идет за три. Значит не меньше двенадцати, а то и все пятнадцать. Уже тогда Данил не чувствовал в себе почти ничего детского, а уж теперь и подавно. Задубел душой. Даже не задубел – закаменел.

Он поднялся, осматриваясь и доснаряжая подствольный магазин «Фабарма».

Мелкая водяная морось, оседая на окровавленных телах, уже текла тонкими струйками в ближайшую лужу, окрашивая воду в красно-бурый цвет. Прислушался – вроде тихо пока. Ладно, минут десять есть, успеем, пока нахлебники набегут. Обходя мусор и перешагивая через костяки, он зашагал ко входу.

Шаг, другой, третий... И вдруг... словно какая-то неуловимая тень мелькнула в темном провале окна. Южное крыло, второй этаж... Добрынин тут же замер на месте, настороженно вглядываясь в развалины и чувствуя себя на открытой площади, как таракан под занесенным для удара тапком. Сместился немного левее, присел на колено, укрываясь за крупным обломком плиты. Щелкнул фастексом, вновь переводя дробовик в боевое положение. Расстояние небольшое, метров тридцать всего, да и уловил он боковым зрением... Показалось или нет?

Минут пять он сидел, просматривая каждую дыру, каждую пробоину, окно за окном. Положеньице незавидное. Он на открытом пространстве – а противник – если такой, конечно, имеется – укрыт. Он один – а их может быть несколько. Да еще и со спины могут подойти. Залягут за насыпью – и ударят. А то, гляди, и снайпер там в глубине комнаты сидит, выцеливает... Данил поежился, буквально физически ощутив точку прицела на лбу. Аж зачесалась!

На-а-ахрен... Он согнулся, полностью укрываясь за плитой, вытащил из ранца шлем и, стащив противогаз, водрузил его на голову. Щелкнули, входя в пазы, фиксаторы. Сейчас шлем весил немного, килограмма полтора-два – но так было с тех пор, как Добрынин, на одном из вечерних привалов, выдрал к чертовой матери из гнезд с затылочной части два элемента питания, похожие на продолговатые бочонки. Все равно без надобности. Каждый из них весил кило по два и лишний груз создавал определенные неудобства. Голова казалась башней танка – неуклюжей, неповоротливой... Пока повернешь – неспешно эдак, солидно, с достоинством – целая вечность пройдет. Хотя, вполне возможно, что в режиме энергопотребления такого и не наблюдалось – он, к сожалению, был лишен возможности оценить.

Нужно было на что-то решаться. Данил огляделся по сторонам – эх, Саньки нет, он бы

спину-то прикрыл! – и вновь высунулся из-за плиты, обозревая разрушенное здание. Пусто... Усмехнулся про себя – кажись и вправду чисто... а он панику разводит. Поднялся осторожно, каждое мгновение ожидая выстрела и чувствуя неприятный холодок внутри, где-то в районе подвздошья... однако вокруг стояла все та же тишина, нарушаемая лишь шелестом капель по остаткам асфальта. Крякнув с досады на самого себя и перехватив поудобнее дробовик, Добрынин зашагал ко входу.

Он понимал, что зайти внутрь ему будет тяжело, но даже не представлял себе – насколько. Все здесь он знал с самого детства, все, до последней дощечки, до последней трещинки, до последнего кирпичика. Это был его дом и в памяти он оставался тем местом, где ждали, где был уют и тепло, где можно забыть на время о полной опасности поверхности, расслабиться, перевести дух, отдохнуть. И тем страшнее была перемена, произошедшая с Убежищем. Стоя на пороге и оглядываясь вокруг, Данил все никак не мог проглотить горячий влажный ком, распирающий горло. Братство не стало утруждать себя захоронением убитых – да и, признаться, глупо было бы этого ожидать – и потому здесь, похоже, все осталось именно так, как было в день штурма.

На негнущихся ногах, железным истуканом, он шагнул внутрь. Мысли ворочались тяжело, словно камни. Данил чувствовал, что вновь погружается в то странное состояние, испытанное уже в день штурма комбината. Мозг, словно понимая, что до безумия всего один шаг, задерживал шторы, впадая в ступор и ставя защитные стены на пути поднимающейся из глубины жуткой ненависти. Чувства притупились – и только где-то глубоко-глубоко внутри, где-то в самом центре, он ощущал, как клокочет, разрываясь от горечи и боли, его душа.

Тела лежали вповалку. Большинство уже обглодано дочиستا, до белых костячков, но на некоторых еще сохранились куски гниющего мяса и резиновые обрывки защитных комбинезонов. Больше всего у центрального входа – он был укреплен двойным штабелем мешков с песком – толстым, основательным – и сюда, похоже, ударили чем-то тяжелым, разом накрыв защитников. Вход разворотили до неузнаваемости, вместо трех широких проемов с двустворчатыми дверьми – огромная рваная дыра. Стоямя торчали вздыбившиеся плиты пола, исчез навес, сиротливо покачивался на сквозняке жестяной короб вентиляции...

Такие же дыры зияли и повсюду в стенах. Их было много – самого разного размера и конфигурации – и оставалось только удивляться, как еще держится крыша. Хотя – колонны, как это ни странно, остались целы и, вероятно, только это и удерживало ее от падения. Данил поднял голову – подвесной потолок из железных панелей, за которым скрывались коммуникации, местами провис, а в юго-восточном углу, там, где в крыше зияла огромная пробоина, сквозь которую заглядывало серое небо, целая секция его рухнула на пол, придавив сразу двоих бойцов. Зверье так и не смогло добраться до их тел, обглодав лишь торчащие из-под завала ноги до колен. Рядом лежали изодранные в клочья бахилы.

Тел было много, очень много; они лежали по всему залу ожидания, и Добрынин сначала как-то вяло удивился – откуда столько защитников? Однако потом, присмотревшись, он понял, что большинство лежащих здесь – женщины и дети. Да и кому еще было защищать жилище? Братство и полковник сыграли как по нотам, поманив людей сытой жизнью и удалив из Убежища боеспособное население.

Пошатываясь и опираясь иногда рукой о стену, на подгибающихся ногах, Добрынин спустился по лестнице в подвал. Постоял немного, прикрыв глаза, и отходя от того зрелища, что увидел наверху. И все же – теперь ему было легче. Легче, чем в тот, первый раз. Сердце, приняв случившееся, смирилось, словно покрывшись твердой корой, и все увиденное уже не

доставляло ему того горя и ненависти, что довелось испытать той ночью. Сознание просто отмечало очередной факт – и пропускало его мимо себя, добавляя в архивы памяти.

Входные тамбуры были в том же состоянии, что и парадный вход. Сюда, похоже, просто заложили порядочный кусок взрывчатки. Наружную гермодверь вырвало с корнем, перегородки между тамбурами смяло, как картонки, а внутренняя «герма» висела, лишь чудом удерживаясь на одной нижней петле. Данил, перешагивая через бетонные глыбы и кирпичное крошево, прошел сквозь развороченный тамбур, ожидая увидеть на первом уровне ту же картину, что и наверху – но здесь почему-то все было совсем не так. Разрушений практически не было, лишь рваные следы от осколков гранат и сколы от очередей на стенах. Правда, мертвые тела в разной степени разложения попадались и тут – но гораздо меньше.

Все непродуктивные склады находились на первом уровне. Свернув от входных тамбуров направо, Добрынин, подсвечивая фонарем, настороженно озираясь и останавливаясь изредка, чтобы прислушаться к мертвой тишине, прошел через комнату выдачи, заваленную обычно самой разнообразной вещевухой, но опустевшую теперь, и оказался в длинном коридоре со множеством дверей по обеим сторонам. Это уже была вотчина Плюшкина и Коробочки, куда допускались только избранные, и Данил был тут в первый раз в своей жизни.

Слухи, ходившие среди обитателей, не вралы – склады Убежища и впрямь оказались не маленькие. Коридор с комнатами уходил вдаль метров на триста. Комнат – около сотни, не меньше. Есть и небольшие – а есть и такие, что размером с хороший ангар. Плюшкин хвалился обычно, что поддерживает в своем хозяйстве идеальный порядок – но сейчас в эти слова верилось с трудом. Страшный бардак царил тут. Рваные картонные коробки, целлофан, упаковочная бумага, доски и просто взломанные и выпотрошенные деревянные ящики – все валялось в полнейшем беспорядке, но среди этого мусора попадались действительно ценные вещи. В первом же хранилище, перевернув гору упаковочной дряни посреди комнаты, Данил наткнулся на целый ящик фильтров для противогаза, а у дальней стены отыскалось три ящика фильтр-патронов. В другом, чуть ли не у самого входа, нашел несколько пар валенок и целый тюк бушлатов, а в третьем – связку черных резиновых армейских шлепанцев сорок третьего размера.

Заперев изнутри решетчатую дверь комнаты выдачи на засов, сбросив, чтобы не мешала, снарягу на полу у первого склада и закрепив фонарь на шлеме, Данил принялся за работу.

Уже даже первое хранилище дало столько, что унести на себе за один раз он бы просто не смог. Тщательно обшарив каждый квадратный метр, перевернув валяющийся на полу мусор и осмотрев стеллажи, Добрынин собрал у порога внушительную гору столь необходимых в его положении вещей. К ящику с фильтрами прибавилось еще два, фильтр-патронов отыскалось аж четыре ящика целых плюс один вскрытый и ополовиненный, а под нижним стеллажом в дальнем углу он обнаружил три больших баллона с кислородом для обогатительной установки.

Удачные находки немного подняли настроение, выдернув его из беспросветного уныния. Если так пойдет и дальше, то найденным можно будет обеспечить себя на достаточно долгий срок. Нет, он не собирался жить в городе – но все это, дождавшись первого же торгового каравана, можно было выгодно продать, в достаточной мере обеспечив себя средствами для ведения войны. Или – купить билет на юг.

К базе Братства.

Дальнейшие поиски пошли еще продуктивнее. Обшарив три хранилища по правой

стороне коридора, Данил сообразил, что вскоре он наберет столько, что будет не в силах не просто перенести в свой схрон, но и уместить где-то там все это добро. Находки он вытаскивал в комнату выдачи и раскладывал на стоящих здесь школьных партах, и через некоторое время она была забита даже больше, чем обычно. В его положении привередничать не приходилось, сейчас сгодится все, любая мелочь – а назвать мелочью то, что лежало перед ним на столах, даже язык не поворачивался. Маленькой общине хватило бы всего этого на год-другой безбедного существования. Добрынин терялся в догадках. Все, что он отыскал на складах, было жизненно необходимо в условиях нынешнего мира. Создавалось впечатление, что склады грабили в спешке и именно поэтому проглядели многие ценные вещи. А может быть просто не заметили или плюнули, решив не размениваться на мелочовку, коей, в сущности, по меркам Братства и были лежащие здесь сокровища. Единственное, что действительно выгребли подчистую – склад с оружием и боеприпасами. Он находился в самом конце коридора и Добрынин узнал его по жирно выведенной надписи «Оружейка» на дверях. Стеллажи были девственно чисты и на них уже начала скапливаться пыль. Он прошелся по помещению, подсвечивая фонарем и уже догадываясь, что ничего полезного здесь не найдет – и, вздохнув, вышел наружу. Оставалась еще надежда, что можно пожить у войсковых – но надежда эта была призрачной. По тому, как вычистили склад Убежища, Добрынин догадывался, что рассчитывать на хранилища воинской части не стоит.

Решив, что на первый раз хватит, он, раскрыв рюкзак, принялся нагружать его вещами для первой ходки. Фильтры для вентиляции – это обязательно, старые не сегодня-завтра менять... Для противогазов – тоже... Валенки – на пыжи пойдут, патроны для дробовика снаряжать, совсем мало осталось... С этой же целью взял и старый раздолбанный, высохший аккумулятор – свинец на картечь. Пару бушлатов – ночи холодные пошли, а дровишки имеют свойство заканчиваться в самый неподходящий момент... Носки, подштанники, тельники – почти все это развалилось на третьей неделе пути обратно... Сзади вдруг скрипнуло, но Данил, увлеченный бараклом, не сразу обратил внимание, дошло лишь спустя пару мгновений. Крутнулся, хватая с предплечья нож и кляня себя последними словами за оставленные за пределами досягаемости оружие и снарягу...

В комнату, держа его на прицеле, входили трое. Двое, едва поняв, что их обнаружили, тут же включили подствольные фонари, а третий, шагнув в сторону, остался в тени. Броня «Корунд-ВМ», противогазы ПМК, демроны – с первого взгляда Данил понял, что это именно они, те, кто разрушил его дом.

Бойцы Братства.

Отведя руку с ножом чуть за спину, он пригнулся, подсев на полусогнутых, готовый мгновенно среагировать на любое движение, чувствуя, как начинают подрагивать руки и распирает грудь от струящегося в кровь адреналина. Множество догадок в одно мгновение пронеслось в его голове. Что они делают здесь? Кто это – охрана? Значит, майор все же решил создать здесь узловую точку? Или это по его душу? Хасан просчитал верно – где еще появиться беглому сталкеру, как ни у себя дома! Сколько их? Только эти? Или наверху поджидают еще? Каков приказ? Убивать или брать живым?..

Впрочем, на последний вопрос ответ нашелся сразу же.

– Нож на пол! Руки перед собой, на стол положи! – качнув стволом автомата, крикнул неизвестный.

Добрынин, пытаясь разглядеть их расположение сквозь фотохромные стекла шлема, мгновенно изменившие степень прозрачности, только усмехнулся. Складывать лапки он не

собирался – не на того напали. Уник способен на многое и потому шансы у него есть и шансы эти достаточно велики. Можно и пободаться – только бы в стыки броневых панелей пулю не выловить...

– Слышь! Ты тупой? Полосну сейчас поперек башки – сразу дойдет!

Данил шагнул вперед, вкладывая клинок в ножны на предплечье. Наклонился, показывая свое намерение, согласно приказа, опереться руками о парту... и тут же, подхватив ее под крышку, дернул вверх, отправляя в неприятеля. Стол, мелькнув в воздухе, сбил парочку с ног, завалился сверху – и Добрынин тут же рванулся к третьему, стоящему в полумраке слева. Этот, похоже, и не рассчитывал на такую прыть – стоял, опустив автомат, копался в разложенном на столах барахле, бормотал что-то... На изменение ситуации среагировать он не успел – Данил поймал «калаш», только еще разворачивающийся в его сторону, за ствол и, выбросив ногу вперед, впечатал копыто ботинка в рыло противогаза. Человека снесло назад и он, кувыркнувшись через стол, врезался головой в стену. Уже по звуку удара поняв, что о нем можно временно забыть, Добрынин, не теряя ни единой секунды, метнулся обратно.

Эти двое, чертыхаясь, уже поднимались. Автомат одного, улетев сквозь прутья решетчатой двери, валялся теперь посреди коридора, светя куда-то в угол и подсвечивая все вокруг рассеянным голубоватым светом. Второй боец свой ствол сохранил, но во время падения потерял магазин. Именно с него и начал Данил, памятуя о патроне, наверняка оставшемся в патроннике.

Первый же удар, с ходу, пришелся по руке с автоматом. «Калаш» вылетел, прогрохотал где-то под партами в дальнем углу, теряясь во тьме. В ответ противник потянулся вперед, норовя ухватить Добрынина за ногу – но, нарвавшись на встречный зубодробильный удар коленом в голову, опрокинулся навзничь и ухватился за лицо, мыча от боли. Данил тут же добил его с левой ноги, отправляя в блаженную тьму, и, поймав боковым зрением смазанное движение справа, подался назад, уклоняясь и разрывая дистанцию. Вовремя! Мимо головы, с шумом вспоров воздух, мелькнула саперная лопатка – последний из троицы, рыча от ярости, рвался в бой.

Лопаткой он работал неумело, словно топором, ухватив ее обеими руками за рукоять ближе к концу и нанося удары с большим замахом, так что траектория удара просчитывалась сразу же. Данил же, чье восприятие благодаря адреналиновому удару работало сейчас в ускоренном режиме, вообще видел их заранее, с самого начала. Дав горе-рукопашнику махнуть своим шанцевым инструментом еще пару раз, он поймал его на замахе и отправил в короткий полет, вклеив основанием ладони под подбородок. Удар в эту зону, с вектором, направленным в сторону макушки, вырубал гарантированно, безотказно воздействуя на вестибулярный аппарат. Супротивник лязгнул зубами и, выронив лопатку, порхнул через случившуюся рядом парту, завалив ее вместе со всем лежащим на ней барахлом. Данил тут же рванулся следом, намереваясь добить для гарантии – но этого уже не понадобилось. Боец валялся без движения, и, проверив пульс, сталкер убедился, что тот находится в глубоком обмороке.

Теперь нужно было срочно разыскать хоть какое-то подобие веревки. Повязать всех троих – а потом уже и вопросы задавать.

Оглядевшись по сторонам и наткнувшись взглядом на коробки с фильтрами, перемотанные упаковочной тесьмой, Данил выдернул нож с предплечья и скоренько начал спарывать ее, бросая на пол. Тесьма трещала, и он то и дело оглядывался на валяющихся по разным углам бойцов – не очухаются ли раньше времени?..

За этим делом его и застукали.

Срезая тесьму с очередной коробки, Добрынин вдруг каким-то шестым чувством угадал, что он вновь не один. Обернулся – за решетчатой стеной, едва видимый в голубоватой полутьме, держа его на прицеле, стоял четвертый. Снаряжение все то же – броник, лупоглазый противогаз, демрон... И все же в фигуре этой Данил вдруг почувствовал что-то смутно знакомое... Глянул на автомат – и словно ледяной водой окатило!

Боец держал в руках хорошо знакомую Данилу английскую штурмовую винтовку-булпап.

– Нож на пол. Руки за голову. Лишнее движение – стреляю, – подтверждая догадку, послышался из-под противогаза знакомый голос.

Это был Паникар.

И тогда, чувствуя, как в приливе бешеной радости внезапно и стремительно слабеют его ноги, Добрынин поднял руки к шлему и, щелкнув замками-фиксаторами, потянул его с головы.

Глава 2

Осколки

– Сразу после вашего ухода они и пришли. Трех дней не прошло. Утром. Новая смена только заступила, а через полчаса слышим – гул со стороны Мазановки^[1]... И минут через пять подкатывает... Мы сначала подумали – это вы возвращаетесь. Потом смотрим – нет. И первый-то бронепоезд не маленький был – а этот вообще здоровущий!.. Правда, танк всего один на платформе, но теплушек и вагонов с орудиями – в два раза больше. Две инженерные платформы, по обеим концам. И тепловоз не один, а целых четыре, по паре с обеих сторон. Так что сила серьезная была, ты не думай...

Шум и крики после того, как Добрынин рассказал о походе к мнимому комбинату Росрезерва и поведал его печальный итог, уже поутихли и теперь говорил лишь Батарей, да Паникар иногда вставлял словечко. Остальные пока молчали. Слушали. Сидели они в том самом подвальчике, в клубе «Атлант», где когда-то Данил со товарищи останавливался на ночь в самом первом своем, трехдневном рейде. С тех пор его основательно переоборудовали, создав что-то вроде перевалочного пункта – сделали вентиляцию, проббили стены в другие секции подвала, расширяя схрон, заготовили припасы – но для девятнадцати человек, что выжили в мясорубке, этого все равно было не достаточно. Подвал строился как временное укрытие: передохнул, пересидел ночь – и валяй себе дальше, не задерживайся.

А ребята жили тут с того самого дня.

– ...Потом ихний переговорщик в Убежище пришел. Сказал, что это в рамках совместного договора силу нагнали. Чтобы, вроде того, нашу общину охранять, пока основные бойцы не вернутся. Полковник вроде хотел их сначала в Убежище расквартировать, выдвинул предложение – но Герман и Плюшкин против высказались, да и большинство народа тоже. Одно дело – когда у нас бойцы все на месте, и совсем другое, когда всего ничего мужиков осталось. Чужакам верить?.. Вы-то ушли, и вроде бы обещано было, что все будет в шоколаде – но все равно народ не доверял. Герман так сказал: вот как будет результат, как делом докажут, что друзья, когда ребята обратно с полной торбой вернутся – тогда добро пожаловать. А пока... Так и пришлось им в теплушках остаться.

– Это уже потом мы поняли, что полковник предателем оказался, – перехватил нить рассказа Паникар. – С-сука... Ночью ушел. Понял, наверно, что не удастся чужих в дом пустить, народ не даст. Вот и слинял. На посту Таракушка стоял, выпустил без вопросов. А как не выпустить – сам глава Убежища! И через посты он без задержек прошел. Кто мог плохое почуять?! А с самого утра, с ранья – началось...

– Я тогда как раз в смене стоял, – вклинился Ставр. – Гляжу – пушки начали опускаться. Ну, я значения-то не придавал сначала... А они навелись – и как врежут всем бортом. Видал, что от северной стены осталось? Первый удар туда пришелся. Разом осыпалась.

– А вы как же выжили? Как получилось? – глухо спросил Добрынин, слушая этот рассказ и чувствуя, как в глубине души его вновь рождается притухшее было пламя ярости и бешенства...

– Мы мобильные отряды, – пояснил Паникар из своего угла. – С самого начала, как Убежище обложили – сумели выбраться. Через тот самый дом выбрались, под которым Большой спортзал. А там уже через элеваторную зону, через локалки, через лесок – и

вышли... Потеребили мы их, конечно, от души. Человек тридцать положили. Вся снаряга эта – броня, разгрузы, демроны – все с них и содрали.

Данил аж крикнул от удивления. Молодые пацаны, без опыта – тридцать человек?

– А потеряли сколько?

Ребята молчали, уткнувшись носами в пол.

– Девять человек. А в последней стычке – Герман лег, – сказал, наконец, Батарей. Вздохнул судорожно... – Сначала ногу картечью раздробили... Так он пулемет взял, гранат, и отход прикрывать остался. Мы по бетонке через Сердобу^[2] отходили, вот он возле моста и засел. С полчаса держался – мы все слышали... А там уж они БТР подогнали. Тот как из КПВТ ударил – и не стало Германа...

– Герман с вами был? Тогда понятно... – печально усмехнувшись, кивнул Данил. Дядька Герман, битый волк, понял, что Убежищу недолго осталось, и решил сохранить хоть кого-то. Потому и вывел молодых пацанов наружу. А уж девушек и женщин, наверно, не успел или не смог... Да и куда их уводить?.. – Кто же старшим за него остался?

– Плюшкин. Он себя настоящим командиром показал. Народ ободрял, не спал почти, не ел – все людям. Вот кто бы мог подумать, а? Жмот такой – а как геройски себя вел!.. – недоумевая, развел руками Батарей. – Я помню, ты его всегда щемил. И тот раз помню, когда за ремень на крюк повесил... А вот поди ж ты...

Добрынин печально усмехнулся, припоминая. Пашка имел в виду тот случай, когда Плюшкин пытался всучить им с Санькой штопаные ОЗК для выхода на поверхность – но не преуспел по причине повисания за брючный ремень на батарейном крюке, торчащем из стены складского помещения. Долго потом орал, звал на помощь, пока на складе полковник не объявился и не вывел своего зама из затруднительного положения. А как же иначе с этим товарищем было поступать? Сталкер, выходя на поверхность – жизнью рискует. Нечего всякую дрянь всучивать. Вот Данил и вспылил тогда...

– Они сутки почти держались, – добавил Халява, сидящий на лавке у стены. – И все время он на острие был. Мешки таскал вместе со всеми, когда центральный ход перегораживали... Спину сорвал, крючком ходил, за поясицу хватался – и все равно... Ранило его дважды, второй раз чуть ногу не оторвало – а он только жгутом перемотал – и снова в бой!..

– Вы-то откуда знаете?.. Вы же к тому времени из окружения вышли...

– Оттуда потом Серега прорвался. Гордей. Перед самым концом, – кивнул Артем на молодого парнишку, внимательно слушающего рассказ и не отрывающего глаз от уника. – Он и рассказал...

Гордей оживился.

– Да, я сам видел, точно. Стреляет, стреляет, потом откинется, жгут только потуже затянет – и опять палить! Кричит только: «Воды дайте!» Хлебнет – и опять к амбразуре. А они, суки, танк с цепи спустили. Он вкругаля объехал – КПВ наши они все равно боялись, – через территорию детсада прошел, и прямой наводкой по главному-то входу и вдарил. Осколочно-фугасным. Мешки раскидало и всех, кто за ними сидел – насмерть...

– Так какого же хрена вы наружу вылезли?! – неожиданно даже для самого себя заорал, срываясь, Добрынин. Не выдержал, представив, как бьет по уложенным аккуратными стопами мешкам снаряд, как летят они во все стороны, как падают на землю люди... – Почему под землей не сидели?! Ведь каждый коридор, каждую лестницу можно было в крепость превратить!

– Они газ какой-то пустили через вентиляцию – фильтры ему не помеха... – понурился Сергей. – Пока защиту напялили, да пока наружу вылезли – эх и полегло народа... Вот и пришлось снаружи драться.

– А что они творили тут... – вздохнул Батарей. – Стенку с отметинами видел? Туда стариков ставили и вообще всех кто старше сорока. И в упор, с крупнокалиберного... Месиво...

– И что же? И всех так же?

– Нет, не всех. Кого-то в эшелон погрузили, увезли.

И безумная надежда блеснула вдруг перед Данилом...

– Иринка?.. Ольга?..

– Их не видел, точно не скажу, – помотал головой Пашка. – Но все может быть... Если при штурме не погибли – значит увезли. Они ведь всех кто помоложе – всех забрали. Сестру мою забрали. У Лехи Паникара, у Хирурга – подруг увезли. У Гришки Букаша – двух братишек, пацаны еще сопливые. У Немого – жену. И Монах тоже без невесты остался. И еще многих забрали – целая толпа была, человек семьдесят, кого в теплушки грузили. Мы с развалин завода смотрели – а помешать не могли... – Батарей скривился и сжал зубы так, что побелели скулы. – Накрыли б нас одним залпом... Только и оставалось – кулаки сжимать да выть от бешенства... Искать надо... Я б зубами горла грыз – да где ж их теперь найдешь?..

И глядя, как кивают словам Пашки те, кого он называл, Данил чувствовал, как та самая уверенность, что испытал он недавно, и которая, казалось, ушла безвозвратно – возвращается вновь. Теперь он не один. Не последний. Теперь с ним – девятнадцать бойцов. Казалось бы – осколки... Но из осколков этих можно вылепить единый стальной кулак, сплоченную команду, подчиненную одной цели – разыскать Братство и воздать должное тем, кто принес горе их дому.

– Эх и много же они выгребли... – горько усмехаясь, рассказывал тем временем Батарей. – Три состава подходило. Нефтебазу, правда, почти не тронули, одну цистерну только слили...

– Нефтебаза цела?.. – удивился Добрынин. Вот это по меньшей мере странно! Соляра ценится очень высоко – а тут такие залежи... – Почему?!

– А кто знает? Может тары не было, может еще какая причина... – пожал плечами Пашка. – Но уж с войсковых складов сколько забрали – это же жуть просто! Грузовиками везли!

– А войсковых? Тоже?.. Под корень?

– Войсковые к нам на это время переселились – вместе и жить проще... – ответил Паникар. – Суточные наряды только высылали склады охранять, а убежище свое закрыли пока.

– И что же... Они грузовиками везли – а вы смотрели?

– Да они такой мост вдоль всей дороги повесили – попробуй подойди! Всю трассу обезопасили!.. Тебя-то не было тут, ты не видел... – усмехнулся Пашка. – А нас человек тридцать, может чуть больше – что мы могли сделать? Без дела не сидели, конечно, нет... Так... куснем – отойдем, куснем – отойдем. Сразу-то не подойдешь, надо проходы искать. Там народу кишело – патрули, караулы... Пулеметчики на крышах, снайпера замаскированные, мобильные группы. Сунься только...

– Когда ушли? – спросил Данил.

– С месяц. Надоело им нас вылавливать. Утром наблюдатель прибегает – Халява тогда,

кажись, стоял... Говорит – поезд подошел, последние грузятся...

– Да, я стоял, – кивнул Артем. – Они со стороны Ртищева подошли – а укатили в сторону Пензы. И с людьми нашими, из Убежища, паровоз туда же ушел...

– Я был в той стороне, – не поверил Данил. – Там же яма... Как они прошли?

– У них хрень какая-то хитрая есть, типа переносного моста. Платформа метров тридцать длиной – и кран, – пояснил Паникар. – Подходит ремонтная платформа, краном сгружает этот мост, ремонтники рельсы сцепляют. Поезд проходит. Вторая платформа, что с конца бронепоезда, этот мост назад загружает. И все, можно двигать... Мы потом сразу разведку выслали в Убежище. Жребий бросали, кому идти – думали – засада там, опять смертников посылаем. Но нет, они и правда ушли.

– Вот с тех пор так и живем, – вздохнул Батарей. – Склады потихоньку растаскиваем, насосы включаем, водички накачать... Дизеля-то полно, можно жизнь наладить... Но вот с припасами – беда. Как быть?

– Каравана ждать надо. Торговые караваны ближе к зиме пойдут... – подал голос Букаш. – Соляра в цене, обменяем.

– Фильтров тоже надо. И патронов, – поддержал Паникар.

– И у войсковых еще пошарить. Дальние ангары почти не смотрели...

– А вы или сидеть тут собрались? – недобро прищурившись, пресек этот обмен мнениями Добрынин.

Ребята зашумели.

– А есть варианты?

– Что предлагаешь?

– Куда идти-то? Да еще и в зиму...

– Слышь, Батарей... – Данил жестко, в упор, уставился на Пашку. – Ты же только что зубами рвать хотел – только бы добраться... И чего? Зимовать собрался, на печи жопу греть?

– А я от своих слов и не отказываюсь, – вернул тот недобрый взгляд. – Да только где их искать? Ты – знаешь?

Добрынин, глядя на Батарей, горько усмехнулся. Изменился Пашка. За три месяца изменился до неузнаваемости. Куда только веселая безбашенность, куда бурлящая энергия – куда все делось? Да и остальные тоже изменились. Двадцати еще пацанам нет, некоторым и того меньше – а хмурые сидят, сосредоточенные. Не дети – воины. Бойцы. Смотрят напряженно... И ожидание в глазах – а вдруг есть еще надежда?.. Вдруг...

– Знаю, – помедлив немного, обводя взглядом смотрящих на него во все глаза пацанов, ответил Данил. – Мы когда со Шреком уходили – я того Профессора попытал немного. Соловьем пел. Все координаты, всю подноготную сказал. И все – здесь, – он постучал себя согнутым пальцем по лбу. – Найдем, не сомневайтесь. Не так уж и далеко тут, как оказалось...

Пауза – и словно взрыв подбросил пацанов на ноги!

– Ну, командир... Вот за это – спасибо!

– Вот новость!..

– Да это же охренеть можно!..

– Мочканём ублюдков!..

– Да мы ноги сотрем – но до них доберемся! – подытожил общее настроение Батарей. – А то сидим тут, что делать – хрен его знает. Помирать готовимся... Где ж ты раньше-то был?

– Я уже неделю тут сижу. И как до сих пор вас не нашел – не понимаю, – усмехнулся

Данил. Пацаны радовались так, будто знание координат Братства уже обеспечивало им победу... – Правда, я в своем схроне торчал, к Убежищу всего пару раз наведался... Но записки я тут оставил. На такой случай и надеялся – вдруг кто уцелел?

– Записки твои мы нашли, – кивнул Паникар. – Но кто же знал, что это не замануха? Они нас по всему городу как тараканов гоняли, суки! Очень уж мы их разозлили. Тридцать человек на тот свет проводили – это как?.. Мы и спаслись только – окрестности как свои пять пальцев знаем. Отрываемся, по городу кружим, уходим в леса... Три раза в засады попадали! И уж думаем – ну все, ушли, тихо вокруг. Ходим вокруг Убежища, смотрим – там уже псы шарятся и выродки тела подьедают... Идем внутрь – может осталось хоть что на складах!.. Жрать охота, воды нет... А они, твари, секрет устраивают на подходе – и мочат нас как крыс. Шестерых положили!

– И это еще немного, – кивнул Данил. – В засаду попали – обычно все ложатся...

– Ну, мы-то тоже не дураки, – усмехнулся Паникар. – Напролом не лезли. Подойдем осторожно, вышлем разведку – а группа прикрытия наготове, ждет. Полковник, все же, учил кой-чему... не так как вас, конечно, но и мы не лыком шиты...

– А теперь и еще подучиться придется, – кивнул Данил. – И подучиться, и поработать... Чтобы с Братством бодаться – большие силы нужны!

– Да неплохо бы... – усмехнулся, массируя нос, Батарей. Именно ему в недавней схватке довелось выловить коленом в голову. – Ты бы поучил нас так руками махать... Всегда пригодится.

– План-то есть уже? – спросил, подобравшись поближе, Халява. – Мы ведь одни с Братством не справимся, сам должен понимать...

– Нет пока конкретных планов, – сказал Добрынин. – Мысли – есть... Но даже если помощь не найдем – неужели отступимся, а?

Артем помотал головой, но и в его глазах и в глазах сидящих вокруг ребят Данил все ж успел заметить тени сомнений. Оно и понятно. Силы слишком уж не равны.

– В прямом бою – это ежу понятно, не справимся. Но... Нормальные герои всегда идут в обход – слыхали такую поговорку?

Пацаны заулыбались, ухмыляясь.

– Тут мозгами шевелить надо. Придумаем что-нибудь... – обнадежил Добрынин. – У нас барахла осталось немало... А на нефтебазе – дизельное топливо плещется. Я правда не понимаю, почему его не взяли – но это нам на руку! Топливо нынче в дефиците – а у нас его море.

– Чью помощь-то? Где ее искать против такой махины? – спросил Ставр. – Братство! Да они только к нам человек триста выслали на броне! А сколько на базе осталось?! Как воевать?

– А помните, я вам буквально с час назад про мужика рассказал, которого мы по пути повстречали? Про Сказочника? Так вот он говорил, что в Пензе выжившие есть. И даже более того – есть там какой-то мужик, который моим родственником может оказаться, – сказал Данил. – Зовут его Зоолог. Вдруг поможет...

– Все верно, – кивнул Батарей. – Нам сейчас любая помощь ко двору придется. Заранее надо обмозговать, цели наметить, планы...

– Хватит на одном месте сидеть – пора уже хоть что-то делать, – поддержал его Паникар. – Так может устроим мозговой штурм? Прямо сейчас! Любые предложения, любые идеи – все в общий котел. Есть у кого мысли?..

Нужен был лишь толчок. Дело, наконец, стронулось с мертвой точки. Похоже, с появлением Добрынина, надежда, совсем было угасшая в их сердцах, разгорелась с новой силой. Они уже успели увидеть смерть, испытать горечь потерь, страх, боль и отчаяние – но не смирились. Пусть теперь обсудят, прикинут, спланируют... Пусть обдумают, как с наименьшими потерями взять врага, ухватить его зубами за горло, пустить ему кровь.

Данил откинулся на спинку стула, словно отодвигаясь от обсуждения, уходя в тень. Паникар с Батареем явно верховодили тут, в уже сложившейся за это время группе. И хотя Добрынин со своим, несоизмеримым с их, боевым опытом, по-прежнему являлся непререкаемым авторитетом – он, как и старые заслуженные бойцы в таких вот воинских коллективах, давал высказаться молодежи. Так всегда было – и так должно было быть. И прежде всего чтобы молодежь училась на своих ошибках, набиралась собственного опыта, а не глядела в рот старшим и более опытным товарищам. Опытный боец, матёрый волк, всегда подчинит себе волчат – хотя бы только из своего авторитета. Ему просто побоятся возражать, испугавшись показаться бестолковыми, ничего не соображающими в сложившейся ситуации сопляками. И, боясь возразить, выполняют любой приказ – но разве нужны в боевой группе такие не имеющие своего мнения, безынициативные болванчики? Спаянная, сработавшаяся группа тем и хороша, что каждый старается для победы в меру своих сил и своего ума. Думает, как бы получше выполнить приказ – но и чувствует при этом, разграничивает ситуации, понимает, когда нужна личная инициатива и когда приказ нужно выполнить быстро и четко, без лишних рассуждений.

На обсуждение, обсасывание и разработку планов потратили весь оставшийся день. Спорили, ругались, орали друг на друга, делились на группы, где у каждого были свои мнения – и все же за поддержкой пацаны обращались именно к нему.

Поздно вечером план, наконец, составил.

Решили так.

Во-первых – в поисках всего самого ценного, что там могло еще остаться, обшарить склады Убежища и войсковой части. Найденное – все, что могло пригодиться как средство платежа или хотя бы как образцы, аванс, гарантия, что торгующаяся сторона не обманывает – забрать с собой. Остальное спрятать в укромном месте и перекрыть доступ. Взорвать проходы или замуровать – это уж по ситуации. Если найдут помощь и сойдутся в ценах – тогда уж и за остальным барахлом вернуться. А пока – пусть себе до времени полежит... То же и с топливом. Трубопровод в Убежище – закрыть, спрятать концы. Пройдет мимо торговый караван... даже если и задумают по Убежищу пошарить – трубопровод все равно не найдут. Нужно только спрятать хорошенько, землей завалить.

Во-вторых – предстояло решить проблему нехватки патронов. Как оказалось, боезапас был на пределе – ребята снимали с тел убитого противника все более-менее полезное, в том числе и боезапас – но много ли его у бойца, если он не в длительном полевом выходе, а в патруле неподалеку от базы? Боекомплекта на два-три серьезных контакта, не более. И вот тут-то ничего другого не оставалось, как попытаться пролезть в неисследованную еще войсковую часть на Сазань-горе. Больше достать было негде – разве что у проходящих караванов выторговать... Но это когда такой еще появится. Без расписания ходят. Может и зимой зайдет, а можно до весны ждать – и не дожидаться.

В-третьих – наметили маршрут. Идти все же решили сначала в Пензу – с чего бы Иващурову врать? На болтуна он совсем не походил, хоть и Сказочник. Вполне доброжелательный старикан. Тогда получается – есть все-таки выжившие в областном

центре? Это следовало проверить. И вполне возможно, что и помощь там найдется.

Дальше Пензы пока не загадывали. Обстоятельства могут измениться самым коренным образом – какой смысл громоздить лишнее? Задачи программы-минимум были поставлены и теперь требовалось сосредоточить на ней все силы.

– Предлагаю разделиться, – подвел итог дебатам Добрынин. – Бóльшая группа обшаривает склады Убежища и войсковые, собирает товар. Меньшая займется поисками прохода на Сазань. Так и время сэкономим – тянуть больше смысла нет. Пару дней нам на сборы, а потом – вперед, в путь-дорогу. С завтрашнего дня и начнем.

На том и порешили.

Подведя итог и глянув на время, Данил засобирался было к себе – да не отпустили.

– Куда это – «к себе»? «К себе» – это теперь у тебя там, где твоя группа, командир, – недовольно хмурясь, сказал Батарей. – А значит – здесь.

А Паникар присовокупил:

– И куда ты ночью пойдешь? Завтра все твои манатки перетащим, а ты уж давай, оставайся. Все оформим в лучшем виде, даже отдельная комната для тебя есть.

Пришлось остаться. Не больно-то хотелось ночью тащиться на другой конец города – да и правы пацаны. Где группа – там и командир, иначе никак. Единственно, зачем он хотел вернуться – вещи собрать. Но если ребятушки завтра перенесут – то и дергаться не стоит.

После того, как бывший тренажерный зал «Атлант» расширили, пробив стену в соседние секции подвала, жить тут стало гораздо приятнее. Обитатели схрона теперь не лежали вповалку в одной комнате, а располагались с комфортом – по два человека в комнатухе. Они были небольшими – но ребята, выросшие в спартанской обстановке Убежища, не обращали на это ровно никакого внимания. Есть где принять горизонтальное положение – и ладно. А если при этом еще сухо, чисто, крыша над головой, и матрас на топчане – так это вообще роскошь по нынешним, проклятым Богом, временам.

Оставшись, наконец, один, Данил, скинув тонкое нижнее белье, которое использовал как потосборник, забрался на топчан. Улегся, прислушиваясь к себе и чувствуя какое-то странное умиротворение и спокойствие на душе. Удачный выдался день. Исключительно удачный, и... радостный. Одиночество закончилось, и, самое главное, – у него вновь появился смысл жизни. Надежда. Кто знает – может, и живы Иришка с Ольгой... Может и найдутся...

Он горько улыбнулся нахлынувшим вдруг воспоминаниям...

По первости, признаться, жениться он и не собирался. Когда начались первые вылазки на поверхность и в его личных закромах завелись патроны, стал он вдруг на редкость завидным женихом. Девчонки молодые табунами бегали. Да и не только молодые, а и постарше женщины несколько раз подкатывали – да все без толку. Ночь провести – это всегда пожалуйста, а так чтоб постоянно – нет. Не лежала душа.

Конечно, какая-то доля эгоизма в этом нежелании присутствовала... Морока ведь изрядная. Куда легче одному жить. Верная рука, верная винтовка, верный друг – что еще нужно настоящему мужчине? Винтовку потеряешь – невелика печаль, еще лучше добудешь. Друга потерять много хуже, но тут уж судьба такая. Ну а сам ляжешь – так друг сам за себя постоять сможет, а железо – черт с ним, пусть пропадает, мертвому оно без надобности. А уж коли семья есть – с ней как быть? Тут и погибнуть не посмеешь – как они без тебя-то? Нет, лучше уж одному. Сегодня живешь, завтра умрешь... И не вспомнит никто, разве что верный друг, чтоб спокойно лежалось, стопку опрокинет. Да и понимал он, что женщина

рядом с ним вряд ли сможет почувствовать себя счастливой. Что он может ей дать? Семейный уют? Нет. Ребенка? Нет. Спокойствие и постоянство? Вряд ли. Разве что сытую жизнь, не более... Он кто? Сталкер! Всегда по лезвию ходит, всегда по краю. Сегодня прошел, завтра прошел, а послезавтра – сорвался. А жена? Ей-то что потом делать? Что испытать придется? Имеет ли он право на такие муки ее обрекать? Конечно, можно просто взять женщину без любви, которой все равно – вернулся, нет ли... Только не то это, совсем не то. Уж лучше пустой отсек, чем чужой человек рядом. Однако помнились, помнились мудрые слова, некогда вычитанные из книг Лондона: «Мужчина, сердце которого не опалила любовь к женщине – только наполовину мужчина...»

Время шло и все меньше и меньше ему хотелось возвращаться домой. Да и дом это, разве? Дом там, где уютно, тепло, где тебе рады. Где ждут, когда ты, наконец, вернешься, переживают, волнуются. А кто ждал его? Кто встречал у дверей отсека? Никто. Тишина. Пустота. И муторно становилось и вползало в душу мерзкое безразличие. К себе, к этой ничемной жизни, к бесцельному существованию...

Иринка вошла в его жизнь как-то незаметно. С некоторых пор стал он вдруг замечать, что зеленые ее глазницы постоянно за ним следят. Неотрывно, куда бы ни пошел, где бы ни находился. Приходит он, например, с рейда – а она на выдаче в тамбуре сидит. Увидит – и расслабится, заулыбается, будто ждала, волновалась... Или, к примеру, собрание общее. Народу вокруг полно – и она недалеко сидит, поглядывает изредка. Даже в Малый зал, порой, приходила, вроде как на тренировку. И полковник – самое поразительное – не гнал ее, хотя прочим приبلудившимся от него доставалось по первое число. Данил и не понимал сначала, к чему это он ее только выделяет... Да и чудеса начались. Сдаст он, положим, перед выходом на поверхность сменный комок. Мягкий-перемятый, засаленный, да с дырами. А как получать – так он чистый, выглаженный, заштопанный... Или, например, с утра из отсека выходит – к Пиву в «Тавэрну», пожевать чего-нибудь, – а у двери коробка стоит. А в коробке той – и каша рассыпчатая в полотенце закутанная с пылу с жару, так что слюнки текут, и шоколадка, и по три пирожка – сладкие да мясные. Тоже горячие, а уж вкусные – пальчики оближешь!

Взглядам Иринкиным Данил поначалу значения не придавал. Ну, смотрит – и смотрит, за погляд денег не берет. Выделял, конечно, из толпы – Иринка красавица была, – да сторонился, не хотел девчонке жизнь портить. Куда ей с ним, она и получше найдет. Он, вон, в шрамах весь, как Квазимодо, да и детей от него не дождешься. Только потом понял, что один он такой слепой был. Понимал, конечно, что кто-то ухаживает, видел – да вот только кто? А уж то, что ее стараниями эти чудеса происходят – вообще ни сном ни духом! Остальные – даже Сашка! – знали, в кулак посмеивались, да молчали. Однако это до поры до времени, пока Родионич глаза ему не открыл. Вызвал как-то к себе, долго на мозги капал и закончил достопамятный разговор словами:

– Жениться тебе надо, барин...

Ушел Данил к себе, думу думать. Да недолго думал. Через час где-то в дверь стук раздался, а когда открыл – Иринка. Стоит красная, решительная, глазницами сверкает. Оказалось – и ее тоже Родионич вызвал, хвост накрутил. Почему, говорит, до сих пор одна? Такая девушка видная – а не замужем еще? Все, говорит, вокруг давно уж знают, что за Данькой увиваешься – а он ноль внимания. Не обидно самой-то?

Враз решимости прибавилось и прямиком из отсека полковника направилась Иринка к Данилу... Поговорили – и осталась она на ночь. А потом – еще на одну ночь. И еще. А через

неделю и вовсе вещи перевезла. Да и сколько тех вещей-то было...

Так и зажили. Он в рейд – она ждет. Возвращается – в отсеке тепло, уютно, по-домашнему. Поначалу жизнь такая Данилу в новинку была. И прибранный, сверкающий чистотой отсек странным казался и свежая горячая каша на столе – все в диковинку. У них-то с дедом все не так было. Столовались частенько у матушки Галины, убирались – хорошо если раз в месяц... Бывало, зайдешь – в одном углу комок грязный лежит, в другом – носки стоят недельные, заскорузлые. Мусор на полу, пыль, в дальнем углу под потолком – паутина... Короче – как в том анекдоте про свинью и Петьку с Чапаем. «А давай, Василий Иваныч, свинью заведем... Да ну, Петька, ты чо! Вонь, грязь, мухи... Ну и чего, что грязь-то, Василий Иваныч... Мы привыкли – и свинья привыкнет...» Мужики, понятное дело, да и некогда убираться. Дед на работе целыми днями, а Данил – то в рейде, то на тренировке. А вечером и уборкой не охота заниматься – усталые оба приходили, в душ – и в кровать. А теперь – засиял отсек чистотой. Ни пылинки, ни соринки, все вещи по своим местам разложены, все протерто, почищено, заштопано, даже «Винторез» любимый на самом видном месте висит, вороненым стволом отсвечивает. Не хозяйка – золото! А готовить Иринка умела так, что Данил диву давался – ну как из той бедной кучки продуктов, что на продскладе выдают, можно сварить такое, что уминаешь – аж за ушами хрустит? Может и впрямь говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок? Или – чистотой и порядком взяла? Или лаской да заботой? А скорее всего, подкупило то, что отсек теперь на настоящий дом стал похож, куда всегда вернуться хотелось. Словом, как бы то ни было, через несколько месяцев рука об руку стояли они перед отцом Кириллом в часовенке и давали друг другу клятву. Данил всегда считал – телячьи нежности!.. Но тогда впервые, нисколько не сомневаясь, он произнес слово «люблю».

И в последующие годы ни разу об этом не пожалел.

Глава 3

Хозяин Медной горы

Сразу за разрушенным мостом начались нехоженые непролазные дебри.

Деревца тут были еще молоды – но уже стояли частоколом, норовя преградить дорогу. Густой подлесок, разросшийся на месте канувшей в небытие дороги, от которой остались лишь пятна асфальтового полотна, выглядывающие из-под земли, цеплялся за оружие и снарягу, опутывал ноги, бил веткой по лицу, словно пытаясь предупредить: «Стой, человек! Куда идешь ты, неутомонный?! Не ходи туда – не вернешься! Там ждет тебя твоя гибель!»

Шли вчетвером. С собой Данил решил взять только Халяву, Деда и Букаша, оставив Паникара и Батарея командовать поисковыми работами. Маленькая группа всегда тише и мобильнее большой – а ведь именно эта задача и стояла сегодня. Дойти, осмотреться, прикинуть – и назад. Кроме того, была у Добрынина и своя, личная задача – нужно было приглядеться к пацанам, ведь половину людей в группе он не знал совершенно. Нет, ну видел в Убежище, конечно, – там каждое лицо перед тобой хоть раз в неделю – да мелькнет... Но и только. А какой же ты командир, если ребят своих не знаешь?

Никого из этих троих Добрынин не знал. Ни Артема Халяву, получившего позывной за вполне понятные черты характера, ни Макса Деда, который был самым старшим среди пацанов, ни Григория с позывным Букаш. Потому и оценивал сейчас – как двигаются, как с оружием работают, да и вообще как себя ведут в боевой обстановке...

Первое впечатление было спорным. Пацаны не суетились, по лесу двигались тихо, прилично стреляли... Четверых выродков, попавшихся на пути, ухлопали уверенно и без лишних телодвижений метров со ста. Данил даже не вмешивался – отдал только приказ, а потом смотрел в бинокль, как ребята отработывают поставленную задачу. Остался доволен – мутанты легли основательно, без подранков. Попадание в голову подранкам не способствует.

Однако, как он уже успел выяснить, боевой подготовкой последующих поколений полковник занимался редко и не основательно. Данил не совсем понимал почему, хотя и были мыслишки. Либо устал на старости лет, либо все время съела административная работа – либо решил, что бесперспективно это... А может быть уже тогда предательство задумал и не хотел уж больше заморачиваться. Ответить теперь мог бы только сам полковник, но спрашивать всякую ерунду Данил при встрече не собирался – к Родионову накопились вопросы посерьезнее.

И вот теперь на эти отрывочные знания наложилась практика, полученная за недели партизанской войны в условиях городской застройки – и получилась такая причудливая смесь боевика-самоучки. Ребята умели, к примеру, работать в группе, понимали друг друга с полуслова – но почти не имели индивидуальной стрелковой подготовки; неплохо двигались по городу – но в лесу уже пасовали, ломили как слоны, тревожа округу; достаточно метко стреляли – но только на короткие расстояния; и ко всему прочему неграмотно держали оружие, отставляя далеко в сторону локоть, совершенно не умели работать с левого плеча, неверно двигались в бою...

Добрынин уже несколько раз сделал замечание Букашу, норовящему опустить указательный палец на спусковой крючок при снятом предохранителе – но тот, спохватившись и исправившись, забывал это буквально через несколько минут. В результате,

когда группа шла мимо моста, произошло то, чего Данил закономерно ожидал – Григорий, споткнувшись, дернул спуск – и окрестности огласила короткая отрывистая очередь. Шел он с левого фланга, ствол автомата смотрел куда-то в чащу и потому пули ушли в лес, не причинив вреда – но сам факт случайного срабатывания пальца оставлять без последствий было совершенно невозможно. Поэтому Добрынин, сделав привал, битых десять минут, нудно и в подробностях, рассказывал о последствиях такого вот случайного выстрела, а затем в воспитательных целях заставил Букаша выполнить небольшой комплекс физических упражнений, который подкрепил увесистым пенделем по пятой точке.

– Не доходит через голову – дойдет через задницу, – назидательно сказал он под конец экзекуции, закрепляя пройденное. – Ты раскрыл группу, дружище. Вот тебе пример: у нас раненый и ползем мы триста метров в час. Через десять минут сюда зверья набежит толпа! Все! Сожрали нас!

Букаш виновато молчал, понимая и признавая свою вину.

Тронулись дальше. С радиацией пока было вполне терпимо, тем более и демроны хорошо держали. Данил время от времени бросал взгляд на щелкающий дозиметр – цифра в окошке росла медленно и запас был еще солидный. Гораздо больше его беспокоило, что будет дальше, на подходе к части – не придется ли повернуть из-за предельного фона назад?

Пока двигались по городу – шли «трилистником»: бойцы в вершинах равнобедренного треугольника и командир в центре. Рейдовый боевой порядок, каждому по сто двадцать градусов для обзора и работы. Немало, конечно, только и успевай по сторонам зыркать – но деваться некуда. Когда же прошли мост и углубились в лес – пришлось перестроиться. По непролазному бурелому быстро идти можно только «змейкой», один за другим. И шума меньше и движешься шустрее, и группа не так сильно устает – направляющего только время от времени менять приходится, чтобы вся нагрузка по прокладке тропы на одного человека не ложилась.

В наказание за проступок пустил первым Букаша. Тот, желая выказать рвение, уверенно пер вперед, как молодой кабанчик. Лез через поваленные стволы, продирался сквозь кустарник, обходил поросли мелкого мутировавшего вьюна, прыгал через ручьи и небольшие бочажки – лес здесь был сильно заболочен, и иногда приходилось тратить достаточно времени, чтобы обойти попадавшиеся на пути мутные озерца. Одно из таких болотцев Добрынин, поддавшись уговорам спутников, попробовал было перейти вброд – но дно уверенно опускалось, вода быстро дошла до середины груди и он, чертыхаясь, сдал назад. Ладно – до груди окунуться. А если с головой?.. Проще обойти. К тому же оказалось, что в воде обитает мелкая вредная живность – когда Данил выбрался на сушу, напарники собрали с костюма обильный урожай пиявок с полкулака величиной. Твари присасывались намертво, словно в пасти у каждой имелся небольшой, но мощный вакуумный насос, и избавиться от них смогли только с помощью ножей, разрезая их упругие тельца пополам и соскабливая с поверхности костюма остатки черной жирной мерзости. После такого показательного представления соваться в воду больше никто не решился.

Вскоре, однако, болотца остались позади и местность потихоньку поползла в гору. Бурелома поуменилось, да и подлесок стал вроде бы пореже... Справа, вдаль, среди деревьев вдруг замаячила светлая прогалина и Данил махнул рукой, заворачивая направляющего туда – может просека какая... Все полегче идти.

Надеждам этим, однако, сбыться было не суждено. Пока шли на северо-запад, в гору – лес был довольно однообразен. Толстые многолетние деревья, бурелом, заросли кустарника,

вьюна, чувствующего тепло и тянущего свои тонкие лианы к людям... Дебри, конечно, – но терпимо, пройти можно. Теперь же, когда группа двинулась почти перпендикулярно своему прежнему маршруту, лес стал вдруг меняться с поразительной скоростью. С каждой сотней шагов мертвых, поваленных деревьев становилось все больше, а живых – все меньше, да и те наклонены в разные стороны, будто какая-то неведомая сила расшатала их, да так и оставила. Упавшие же, перекрученные и переплетенные стволы образовывали такие завалы, что сталкеры порой только диву давались. Обходить и лезть через них становилось все тяжелее – нужно было не только следить, куда ставишь ногу, и планировать дорогу, но и смотреть по сторонам. Пару раз им попадались вьюны, способные затянуть своими стеблями не только человека, но даже и многотонную тушу куропада, а один раз сталкеры наткнулись на огромное заброшенное гнездо, где среди вороха ветвей подстилки нашли большие куски яичной скорлупы, какие-то тряпки и «калаш» с согнутым в дугу стволом.

– Птичка, – осматривая пустующее гнездилище гигантской птицы, сказал Халява.

– Точно. Рокх. Ее работа, – кивнул, глядя на изувеченное оружие, Букаш. – Не повезло кому-то... Может наш, а может из войсковых кто...

– Пошли, а... – подал голос Дед. – Хоть и брошено гнездо – да все равно как-то не по себе...

Почти сразу за гнездом группа наткнулась на песчаный карьер, в котором, уперев лопату в землю, громадной ржавеющей тушей навсегда замер бульдозер. В кабине его, за мутным, оставшимся невесь каким образом целым, стеклом, что-то шевелилось, пульсировало, судорожно подергиваясь. Букаш, кинув вопросительный взгляд на командира, сунулся было – но Добрынин помотал головой, запрещая ему исследовать этот загадочный феномен. Пусть себе шевелится. Любопытство – оно в меру должно быть. Меньше знаешь – меньше проблем. Да и спишь крепче.

Лес все редел, и, наконец, вдаль среди деревьев показалось чистое пространство. Сначала потихоньку, а потом все сильнее застрекотал дозиметр – и Данилу сразу же стало понятно, куда они так долго и упорно пробирались. Он уже видел подобную картину несколько лет назад.

Это был еще один эпицентр, выжженная после ядерного удара проплешина, со спекшейся от запредельных температур поверхностью, пустая и мертвая. Здесь ничего не росло – да и не могло вырасти по определению. Радиация, которая спустя столько лет все еще была сильна, выжгла все живое, не давая жизни ни единого шанса. Тут была только пыль, которую гонял, закручивая воронками, ветер. Даже сейчас, стоило ступить на спекшуюся, остекленевшую поверхность, дозиметр начинал противно орать, показывая трехзначное число, – и страшно было представить, что творилось здесь двадцать лет назад.

– К юго-западу отсюда есть село – Роцино. Вернее – было... Так вот там тоже такая проплешина есть, – оглядываясь вокруг, сказал Халява. – Неподалеку, километрах в пяти, если по прямой. Также вот загадка для меня раньше была – на село какое-то целую боеголовку скидывать!.. И к северу от Карповки тоже скинули. Это еще одно такое же село, похожее. И тоже недалеко. И еще к северо-востоку от Круглого – третья такая же. И вот вам еще одна, четвертая. Сазань с ее войсковой частью лежит почти в центре четырехугольника, а вершины его – эти вот проплешины... Я один только понимаю что к чему? Или вы тоже сообразили?

– Сообразили. Не дураки... Что-то там есть, – кивнул Добрынин. – А мы-то все думали – почему у нас такой фон высокий... Мелковат городок-то для точечных ударов... Вот и ответ. По ней и били.

– Что ж там такое кроется, если нам столько прилетело? – сомневаясь, пожал плечами Букаш. – Секретные лаборатории по обогащению урана? Или арсеналы с отравой? Четыре боеголовки – да они стоят больше, чем весь наш городок!

– Не четыре, а шесть, – ответил Данил. – В районе Студеновки – это деревенька километрах в двадцати к востоку – тоже упало. Мы на ту проплешину наткнулись, когда в трехдневный рейд с Родионовым ходили. И за заводской промзоной тоже есть.

– А вообще – есть сведения? Знает хоть кто-нибудь – что там?

– Я у отца спрашивал, еще когда маленький был – он не знал, – тут же ответил Дед. – Слухи разные по городу ходили... Говорили, что в этой горе огромные шахты открыты и хранится там чуть ли не бактериологическое оружие! А еще он рассказал, что они тут в окрестностях как-то грибы собирали – и в охранную зону нечаянно забрели. Тут же наряд явился – с собаками, с оружием наперевес, повывлезли как черти из табакерки – и они полдня в камере сидели, пока по базам ФСБ не пробили и не выяснили, кто они такие есть.

– И мне дед тоже ничего ответить не смог – хотя родился здесь и всю жизнь прожил, – сказал Добрынин. – Слишком уж строго секретность соблюдалась. У него случай был по молодости... Он тогда в Сердобских электросетях работал и пришлось им как-то оборудование из той части демонтировать и вывозить. Он был старшим и в подчинении у него три машины с водителями и несколько бригад. Так вот их даже за ворота не пустили. Они пустые машины подгоняли, за руль солдатики из части садились, заезжали внутрь – а обратно уже груженные выгоняли, с оборудованием. Так-то...

– А у моего батьки там офицер знакомый в штабе сидел, – сказал Букаш. – Но даже и он – штабист, и не старлей какой-нибудь, а целый майор! – не знал. Говорил, что внутри внешнего периметра есть еще один, за колючкой. Со своими КПП^[3], со своей охраной – и командиру части охрана не подчинялась... Ребятки там серьезные сидели, в броне, в полном боевом – и за «колючку» только по спецпропускам. И вот что интересно... Батька еще рассказывал, что раньше была такая всемирная компьютерная сеть – Интернет. И в той сети можно было открывать специальные сайты, чтобы со спутника смотреть. Так вот он как-то нашел эту самую часть на карте – и что вы думаете? Ничего он тут не увидел – все сплошь кроны деревьев загораживали, только в центре голый белый пятячок. Специально так посажены или нет – хрен его разберешь...

– Ну значит точно – что-то серьезное там, – подытожил Халява. – И как мы до сих пор туда не добрались...

– Может сегодня и наверстаем, – пожал плечами Данил. – Ладно, двинули. Демроны – демронами, но лишняя доза нам не нужна.

Назад по проложенной уже тропе возвращаться было легче. Добрынин наконец смилостивился и поставил Букаша замыкающим, заменив его Халявой. Гриша дышал тяжело, отдувался, но науку, похоже, усвоил железно – палец его лежал теперь вдоль нижнего края ствольной коробки и за все то время, пока Данил, усмехаясь под резиновой харей противогаза, специально за ним наблюдал, спускового крючка он так и не коснулся.

Миновав гнездышко, взяли прежний курс – на северо-запад. Местность вновь пошла вверх и спустя километр сталкеры уже лезли в крутую гору.

– Халява, тут уже осторожнее смотри, – глядя на отобранную у Паникара карту, предупредил направляющего Добрынин. – Километра полтора осталось... Здесь уже никого из наших не бродило – тут раньше фон был под тысячу, – он глянул на дозиметр. – Да и сейчас...

– В ОЗК не прошли бы, – послышался голос Деда. – И теперь бы осторожнее надо...

– У меня двести десять кажется, – отозвался сзади Букаш.

– Вот и дели на тридцать, – сказал Добрынин. – Семь рентген в час. Вроде бы и немного – но сколько нам тут еще бродить? Полдня походим – вот уже и лучевуха. А Айболита теперь с нами нет, и снадобий его тоже...

– Да смотрю я, смотрю, – крутя по сторонам головой, отозвался Артем. – Тихо пока вроде...

Он вдруг поперхнулся, умолкая и замирая на середине движения – и Данил скорее ощутил, чем увидел, как каменеет в одно мгновение его спина. Да и было от чего – над лесом, со стороны секретной части, поплыл жуткий, заунывный, тянущийся на одной долгой тоскливой ноте, вой.

Вой этот лег на плечи сталкеров неподъемной многопудовой тяжестью – столько было в нем тоски, безнадежности и обреченности. Голос неведомого существа подчинял себе, заставляя опустить руки и склониться перед неизбежностью – Данил буквально физически почувствовал, как под напором чудовищного давления подгибаются ноги, опускаются плечи и против его воли клонит к земле голову.

Вой вдруг умолк, оборвавшись – и вместе с ним исчезло и ощущение давления. Добрынин, переводя дух и пытаясь унять дрожь в ногах, опустился на правое колено – и рядом тут же рухнули пацаны.

– Не расслабляемся, не расслабляемся, – напомнил он, глядя, как ребяташки, переглядываясь, вертят головами. – Периметр держим, смотрим по сторонам... Контроль над местностью не теряем.

– Ну и хрень там завелась... – отдуваясь, покрутил головой Букаш. – У меня аж ноги подкосились... Хозяин горы.

– Хозяин медной горы, – перефразировал Халява. – Есть такая сказка...

– То, значит, хохочет по ночам – а к обеду уже тоску нагоняет, – усмехнулся Дед. Смешок вышел какой-то ненатуральный, натужный – Максиму было явно не по себе. – Как-то быстро у него настроение меняется...

– Так что же – ждет нас? – посмотрел на командира Халява. – Почуяло?

Данил пожал плечами.

– Может и ждет. Но у тебя боезапаса полный комплект – и гранат и патронов... А если что – ноги быстрые про запас. Целый арсенал, – пошутил он.

– Только почему-то частенько ничего из этого арсенала не помогает... – пробормотал в ответ Артем, не принимая шутку.

– Ладно, двигаем, – перехватывая поудобнее рукоять дробовика, сказал Добрынин. – Ближе уже. Дойдем – а там посмотрим, что за сволочь там в страшилки играет... Дед направляющий, Халява замыкающий. Вперед.

Местность, поднявшись в гору, постепенно выровнялась, подлеска и бурелома стало поменьше и оставшийся путь сталкеры прошли без приключений. Разве что слышались со стороны части порой протяжные заунывные вопли – но вселенскую скорбь неизвестное нечто больше не демонстрировало.

Когда впереди сквозь зелень подлеска проступил серый, заляпанный пятнами плесени бетон периметра, Добрынин жестом скомандовал остановку. Попрыгал на предмет звона и посторонних звуков, предварительно подав знак «делай как я», проверил еще раз полноту магазинов, оружие, подсумки с гранатами и картечью. Тварь за забором, похоже, окопалась

серьезная, и лишний раз убедиться в собственной боеготовности перед нырком не помешает. А то дернешься вот так в критический момент за гранатой – а подсумок пуст по недосмотру. Вот тогда попляшешь. На том свете под похоронную музыку.

Подобрались к забору. Данил прислушался – существо с той стороны все так же грустило. Чуть дальше, где-то в глубине части, с востока... Поманил пальцем Максима:
– Загинайся...

Дед, как самый крупный из троицы, нагнулся, упираясь плечом в бетон. Добрынин, взобравшись на его спину, дотянулся до гребня забора, подтянулся – и осторожно заглянул за край.

Ничего необычного, в принципе, не обнаружилось – та же чаша, бурелом, оплетенный кое-где мелким вьюном, кустарник... Метрах в пятидесяти прямо по курсу сквозь зелень просматривается длинный одноэтажный барак из серого кирпича с провалившейся крышей... Оно и немудрено. Территория, судя по карте, не маленькая – и теперь, спустя двадцать лет, как и окружающий лес, заросла сплошь молодняком и непролазным подлеском. И искать здесь теперь незнамо чего, без хотя бы приблизительных координат – это все равно что в стогу сена в поисках иголки колупаться. Карта же в этом не помощник – на ней только сам периметр и обозначен, а внутри – белое пятно.

Добрынин, толкнувшись от своей живой опоры, перемахнул гребень, спрыгнул с другой стороны, тут же отскочил за толстенное дерево, уместился кое-как между мощных, выперших из-под земли корней, принялся вертеть головой, осматриваясь и держа наготове дробовик. Сзади уже шуршало – через забор лез следующий диверсант. Сообразил, что к командиру жаться не нужно, отполз метров пятнадцать левее, улегся за торчащей углом из-под земли обомшелой плитой. Оглянулся, ожидая распоряжений – Данил постучал пальцами по запястью левой руки и ткнул вилкой пальцев в глаза: «ждем, смотрим».

Вокруг пока было спокойно. По крайней мере, Добрынин, всматриваясь в окружающую зелень до зайчиков в глазах, за десять минут наблюдения ничего подозрительного не заметил. Основная деятельность, похоже, кипела где-то в восточной части – хохочущие звуки поутихли, но теперь на смену им пришло мерзопакостное хрустенье, хлюпанье и треск, будто там работала гигантская овощерезка. Пожалуй, туда пока соваться не следовало.

Первым делом осмотрели оказавшийся поблизости барак из серого кирпича. Когда-то это была казарма – через разбитые окна просматривалось расположение стоящих рядами ржавых двухэтажных кроватей, а забравшись внутрь через крайнее окно, сталкеры оказались в маленькой комнатке с железными полками вдоль стен, на которых трухлявыми кучами лежал самый разнообразный хлам. Расползающиеся бушлаты и армейские одеяла, ветхие комплекты формы и нательного белья, истлевшие ОЗК и противогазы – вотчина старшины, каптерка. Среди всего этого гнилого великолепия в дело годились разве что алюминиевые котелки с закрывающейся крышкой. Этим – пролежи они хоть пятьдесят лет – ничего не будет. Пацаны тут же прибарахлились – каждый подхватил себе по котелку, а Халява так вообще сграбастал аж три штуки.

– Тебе куда? Солить? – наблюдая, как он пихает их в рейдовый рюкзак, спросил Добрынин.

– В хозяйстве паровоз пригодится, – пыхтя, ответил Артем. – Деда Михи, кстати, присказка...

– Тряпьем переложу. Загремишь – прибью.

– Не учи отца детей делать...

Данил только рукой махнул. Настоящий сталкер... ни дня без хабара.

Осмотревшись внутри и не найдя больше среди горы порченного временем хлама ничего полезного, Данил, перемещаясь от окна к окну, оглядел подходы. Северная сторона казармы выходила на пустое пространство порядочной площади – плац. Даже за прошедшие годы растительность не сумела захватить его – бетон гладкий, без единого ростка, и лишь кое-где в трещинах виднелась чахлая мелкая травка да странные голубоватые пушистые пятна различного размера. Плесень?..

– Видел когда-нибудь такое? – спросил подошедший сзади Букаш. – Я вот в первый раз...

– Тоже не знаком, – покачал головой Добрынин. – Осторожнее с этим...

За плацем, прямо напротив, и слева, стояли такие же серые бараки казарм, а справа возвышалось трехэтажное здание из серого кирпича – штаб.

– Вот туда нам надо, – ткнул пальцем Букаш. – Может быть там документы какие сохранились или карты...

– А еще там комната дежурного по части должна быть и оружейка, – кивнул Данил. – Зови ребят.

Краем плаца, осторожно обходя островки внушающей опасение странной плесени, они добрались до крыльца штаба. Гришка, идущий впереди, дернулся было вверх по ступеням – но тормознулся. Забормотал приглушенно, нагнулся, изучая землю перед крыльцом – и охнул:

– Командир!.. Ты посмотри-ка...

Данил вмиг оказался рядом. Глянул – на небольшом, непросохшем еще после дождя пятачке, явственно виднелся отпечатавшийся в грязи след. Очень странный след – будто взяли огромный веник, метра два в обхвате, и провели тем веником по земле. След шел со стороны плаца и поднимался в штаб – по крайней мере на двух нижних ступеньках еще виднелись ошметки грязи. Волочили что ли кого...

– Э, да тут явно эта самая хреновина бродит... – послышался сзади голос Халявы. – Как бы не нарваться...

Добрынин обернулся – Артем, стоя рядом, из-за его плеча разглядывал странную находку.

– Халява, сука! Тебе никто не говорил, что пока командир делом занят, твоя обязанность – периметр держать?! – мгновенно взъярившись, зарычал Данил. – Ты что как дитяtko малое?!

Артем, тут же сообразив по утреннему опыту Букаша, что может последовать дальше, отскочил.

– Все командир, понял, понял... Уже...

Добрынин постоял немного, изучая спину сталкера и прикидывая, какому бы дисциплинарному наказанию его подвергнуть – и вдруг обратил внимание, что хлюпанье, доносящееся до сих пор с востока, стало вроде бы потихоньку удаляться...

– Уходит?.. – прислушиваясь, нерешительно поинтересовался Букаш.

– Да и хрен с ним. Нам легче. Еще бы в штабе пусто было...

– Так что? Входим?

– Стоять, – сказал Добрынин, пихая дробовик в чехол на спине рядом с гидратором, из которого торчал уже приклад ВСС, и вытаскивая из кобуры на бедре «Пернач». – Я первый пойду. Халява, Букаш – следом, Дед – тыл. В коридорах работаем крест-накрест. В комнату не сразу входим, просматриваем секторами. Меня слушаем внимательно и тут же выполняем!

Пошли.

Поднявшись по каменным ступеням, держа на изготовку пистолет, Данил заглянул в дверной проем. В полумраке виден был небольшой холл со стоящей у левой стены официального вида тумбой из пластика с гербом и книгой под пыльным стеклянным колпаком. За тумбой, в нише, так же за стеклом, стояло выцветшее знамя. Боевое знамя части. Напротив, с правой стороны – вероятно для того, чтоб знамя постоянно было перед глазами – большое окно, за которым просматривалась комната с сейфом, длинным массивным столом, кучей телефонов и железной дверью. Похоже, это и была комната дежурного.

На то, чтобы, соблюдая предельную осторожность, основательно проверить здание, им потребовалось минут сорок. Не сказать, чтобы нашли много нужного, хотя всякого порченого барахла валялось кругом достаточно – но кое-что полезное все ж обнаружили.

Во-первых, когда вскрыли оружейку, в пирамидах оказалось несколько семьдесят четвертых «калашей» и с десятков «макаровых». Однако при проверке оказалось, что содержались они далеко не в идеальных условиях. Перепады температур, влажный воздух, отсутствие предохраняющей смазки – за двадцать лет бездеятельности стволы пришли в плачевное состояние. Использовать-то можно... но вот безопасно ли? Решили не трогать, отложили в сторону.

Во-вторых, тут же, в двух деревянных ящиках, обнаружились и патроны – и вот с ними дела уже обстояли куда как лучше. Это была ценная находка и поначалу ребята обрадовались – но Данил охладил их пыл, напомнив, что все это нужно еще дотащить до Убежища, что было теперь не такой простой задачей.

– Как по бурелому поперем? – почесывая резину противогаза на макушке, задал риторический вопрос Букаш. – Это ж тридцать килограмм в одном...

Ребята, стоя над ящиками, молчали.

– Лучше сейчас один цинк вскрыть и затариться. И на пацанов тоже набрать. А остальное вторым рейсом притащим, завтра, – внес предложение Халява.

Идею одобрили.

Цинк с пятерой распотрошили и оприходовали. На четверых получилось по двести семьдесят патронов – ноша не сказать, чтоб тяжелая. Халява, следуя своей присказке про паровоз и хозяйство, порывался раздербанить и остальные – но Добрынин не разрешил. По цинку на брата – тяжеловато будет по бурелому-то лезть. Да еще и неизвестно, с кем они тут встретятся... Артем поворчал немного – жаба-то душила... Но деваться некуда, смирился.

В-третьих, в кабинете, на котором висела покосившаяся табличка «Служба РХБЗ» в шкафах нашли с десятков противогазов и фильтры. Противогазы, правда, почти все пришли в негодность, так как совсем даже не «хранились», а просто лежали кучей, нижней полке и за двадцать лет превратились в сопревшую грудку резины – а вот фильтры порадовали. Целехонькие, разноцветные, в герметично запаянной упаковке – и от химических реагентов и от бактериологического оружия, от радиоактивной пыли. Тоже неплохой хабар!

– Год изготовления – две тысячи двенадцатый! Ух ты!.. Вот прет нам сегодня, вот прет! – поглаживая упаковку, приговаривал Халява.

– Слышь, Артем... Ты мне кого-то напоминаешь... – усмехнувшись, похлопал его по плечу Данил. – Барахольщик... Ты случаем с Плюшкиным не в родстве?

Артем оскорбился – но ненадолго. Тяжесть патронов и фильтров в рюкзаке за плечами, настраивала его на миролюбивый лад и обижаться на кого-то – а тем более на командира –

желания не было.

– Ой, да ладно... Что, плохо что ли? Патроны нашли, фильтры нашли... Уже можно жить!

– Патроны – да... А фильтров в Убежище и без того полно осталось, – сказал Дед. – Так что не больно-то и радостно...

И в-четвертых, в кабинете строевой части, в железном шкафу среди гор влажной, желтой от времени бумаги, обнаружилась очень интересная находка – початая коробка с сигаретами. В коробке лежало шесть запаянных в целлофан блоков, по десять пачек в каждом – и была очень высокая вероятность, что сохранились они в целости. Куревом в Убежище баловались редко. Достать можно было только у проходящих караванов, сами же табак не выращивали – все было отдано под грибные фермы, и некурящий полковник, посоветовавшись с таким же некурящими Германом, Айболитом и дедом Михой, отводить жизненное пространство под выращивание табака запретил. А вот в некоторых местах он ценился особо – караванщики говорили. Пачку сигарет меняли на две-три банки тушенки – и еще при этом спасибо говорили и руку долго трясли.

– Кам... Каме... Камел? – прочитал Букаш и вопросительно уставился на спутников, переводя взгляд с одного на другого.

– Кэмэл, балда! – усмехнулся Халява. – Верблюды по-английски! Ты чё, английский хреново учил? Мало вас Ирина Анатольевна драла...

Кроме прочих особенно тщательно ребята обшарили кабинет командира части и начальника штаба, кабинет штабистов, комнату секретчиков и даже комнату зама по воспитательной работе. Но ни сколь-нибудь важных бумаг, ни каких других документов, способных пролить свет на то, чем занималась данная войсковая часть, найдено не было.

– Полковник говорил, что у таких вот частей есть приказ – во время захвата части жечь секретные бумаги и уничтожать любую секретную технику, – сказал Дед, стоя посреди здорового кабинета начальника штаба. Два больших насыпных сейфа у правой стены были взломаны и так же тщательнейшим образом осмотрены. – Рассказывал, что на «засовских»^[4] узлах связи вообще всю аппаратуру кувалдами разбивают. На фрагменты не более одного сантиметра – это вроде бы даже инструкциями регламентировалось. А под полом там здоровенный бак с огнесмесью должен стоять и в случае приближения противника огнесмесь теми же инструкциями предписывается поджечь. Чтоб оборудование врагу не досталось. Может и тут тоже все пожгли?..

– Врага в городке и за сто верст видно не было, – помотал головой Добрынин. – Тут другое что-то...

– А еще он говорил, что всю боевую документацию хранили обычно на боевых постах... – помолчав, многозначительно добавил Халява. – И раз тут ничего подобного нет, то...

– Вот это ближе к истине, – кивнул Данил. – Второй периметр искать надо. Там все.

Второй периметр они обнаружили спустя часа полтора блужданий по заросшей территории. Находился он ближе к западной оконечности и сталкеры, наткнувшись на «колючку» среди зарослей, почувствовали большое облегчение – приближаться к восточной части, где, похоже, и обитало неведомое существо, желания ни у кого не было.

– Стой, тормози, – остановил Халява Букаша, наметившегося было проделать в колючей проволоке проход. – Пройдемте вдоль до КПП. Может и там чего полезного отыщется...

– Тебе патронов с фильтрами и котелков мало? – фыркнул Дед, глядя на товарища. – Тёмыч, я понимаю, конечно, что хабара мало не бывает – но есть еще и другая поговорка...

– Это какая же? – осведомился Халява.

– Жадность фраера губит, – опередил Макса Добрынин. – Слышал?

– Все это хрень, – отмахнулся Артем. – Вдруг чего еще поинтереснее найдем? Вы подумайте – мы ведь тут, может быть, в последний раз! Пролезли наконец-то, такая возможность – и что? Просто так уходить? К тому же нам все равно до КПП идти. За «колючкой» вон заборище какой, метра четыре. Замумукаемся лезть...

– Ладно, пойдем, – подумав, согласился Данил. – Посмотрим что к чему... Только тут уже внимательнее, ребята. Режимная часть. Здесь за периметром все что угодно может быть. Любые системы охраны. Мины, растяжки... Вплоть до автоматических пулеметов, которые на движение лупят. За двадцать лет может, сгнило, может, нет – но лучше перебдеть...

Контрольно-пропускной пункт оказался среди зарослей буквально через пару минут. Раньше до его широких ворот вела асфальтированная дорога и рельсовое полотно рядом, совершенно заросшие теперь молодыми деревцами и потому почти непроходимые. Да и сам КПП был под стать – обомшелая серая бетонная коробка с облезшей облицовкой, битыми стеклами и растущим на крыше густым кустарником. С правого угла до самой земли свисал небольших размеров вьюн, среди лиан еще шевелилось какое-то мелкое животное, угодившее мутировавшему растению на обед. Внутри строение выглядело так же уныло, как и снаружи. Все что могло сгнить – сгнило и отрухлявело, развалившись на куски, и только изделия химической промышленности – вагонка на стенах, хромированная вертушка пропускной системы, пластиковые стулья и дико смотревшийся посреди останков развалившегося деревянного стола системный блок с монитором – держались как ни в чем не бывало.

– А вы заметили, кстати, что здесь ни следа человеческого присутствия не осталось? – спросил вдруг Букаш, осматриваясь по сторонам. – Ни тел, ни скелетов... Даже просто костей нет! А уж тут-то они должны бы быть. Как будто исчезли все разом... Или перед ударом эвакуировались?

– Да перегнило все, за двадцать-то лет... – неуверенно предположил Дед.

– Сомневаюсь... Вот мы в городе, в домах, где-нигде – а тела людские находили. Или костяки на худой конец, скелеты... А тут – ни следочка.

На востоке вдруг завывало – злобно, угрожающе, словно предупреждая, что дальше над этим фактом раздумывать не желательно...

– Уж не та ли хрень все тут подъела... – пробормотал Макс, обшаривая опасливым взглядом стену зарослей с восточной стороны КПП.

– Может и подъела, – кивнул Данил. – И это значит, что здесь она тоже бывает... – Он обернулся, выискивая взглядом замолчавшего почему-то Халяву – тот сосредоточенно ковырялся в куче мусора в углу. – Ну что, Артем? Что там твое сталкерское чутье говорит? Можно тут пожить или дальше уже пойдем?..

Халява молчал и увлеченно сопел – не до того было. Что-то матово чернело там, под завалом из сгнивших и перепревших досок... Что-то металлическое, ребристое, изогнутое... Пистолет?..

Он осторожно сунул руку в кучу, ощупывая находку... Ага... И впрямь пистолет – вот вроде бы рукоять, вот кнопка защелки магазина сквозь ткань перчаток прощупывается... Артем разочарованно вздохнул – «макаров», похоже... У него как раз и кнопка с торца рукояти... А он-то надеялся чего покруче найти... Ладно, сейчас вытянем – а там

посмотрим. Потянул на себя... крепко сидит! Принялся расшатывать. Раз, другой... а на третий пистолет вдруг подался с каким-то странным металлическим хрустом – и, извлеченный из кучи мусора, оказался вдруг у него в руке. А на его спусковой скобе, зацепившись случайным огрызком проволоки, болталось странно знакомое металлическое кольцо со шпилькой...

Чтобы сообразить что к чему, Артему понадобилось всего мгновение.

– Граната!!! – во всю мочь легких заорал он, и, в два прыжка преодолев расстояние до окна, рыбкой улетел наружу.

На этот сигнал полковник, похоже, все ж муштровал ребят. Муштровал долго и упорно. Уже выпрыгивая в дверной проем, Добрынин краем глаза успел ухватить две черные тени, метнувшиеся в разные стороны, к окнам.

Три с половиной секунды – море времени, если в крови бурлит мегадоза адреналина! Вылетев наружу, Данил тут же упал наземь, откатываясь за ближайшее крупное дерево. Неизвестно ведь, что там. Ладно – РГД или «эфка», еще куда ни шло. А если серьезнее? Все здание вместе с крышей поднимет!

Судя по взрыву, это все же была Ф-1. Грохнуло не сказать, чтобы сильно – но порядочно. Осколки не причинили вреда, частично отразившись от стен и оставшись внутри КПП, частично уйдя поверх голов – бетонное здание, несмотря на годы, было еще крепко и так легко не поддавалось – но в ушах все же зазвенело.

Когда слегка утих гул в голове, Данил поднялся. Отряхивая с комбинезона вышибленную из окон пыль, он страстно желал только одного – увидеть Халяву... Пристыдить что ли сначала или сразу башку открутить?.. Ждать явления героя долго не пришлось – Артем в сопровождении ребят появился из-за угла КПП буквально через несколько мгновений. Шел будто из-под палки – понимал, что второй косяк за рейд так просто ему с рук не сойдет.

– Твою мать! Халява!!! – едва завидев бойца, заорал от избытка чувств Добрынин. – Ты... – запнулся, пытаясь подобрать слова... – Ты охренел?!.. Ты чего вытворяешь?! Чуть не положил всех!..

– Ну... откуда ж я знал, командир! – принялся тут же оправдываться Артем. – Ну лежит пистолет в куче мусора... Присыпало... Откуда я мог знать, что там еще и граната живая! Да еще кольцо за скобу зацепилось... Стечение обстоятельств!..

– Да ты сам по себе – одно большое стечение обстоятельств! – от души, выпуская пар, продолжал орать Данил. – Ты вообще представляешь, куда ты попал? Это режимная часть! Ре-жим-на-я! – разложил по складам он. – Я говорил?! Я предупреждал?! За периметр зашел – все! Тише воды, ниже травы! А ты как у себя в отсеке!..

Артем стоял прямо, как столб, повесив буйну голову – осознал.

– Нет... ну это косяк, дружище, согласишься... – отдуваясь, уже спокойнее сказал Данил. – Я тебя к дисциплине буду приучать долго и упорно. Ты у меня самым любимым будешь...

Он вдруг замолчал, настороженно прислушиваясь... Чего-то не хватало. Вокруг стояла оглушительная тишина, такая, что казалось, слышно, как сердце, стуча, с тихим шелестом гонит по венам кровь...

– Оно больше не воет... – деревянным каким-то голосом сказал Дед.

– Я тебя, Тёма, специально кому-нибудь скормлю! – зашипел Данил, срывая со спины дробовик и бросая на виновника злобный взгляд. – Если живы останемся! Вот помани мое слово...

– Что делать-то будем, командир! – в панике затряс его Букаш. – Кажись ломится кто-то

по лесу... С востока!

– За мной! Бегом марш! – скомандовал Добрынин и рванул через открытые ворота в обход КПП на территорию внутреннего периметра.

Здесь джунгли закончились. Сразу за воротами начиналось голое бетонное поле с торчащими кое-где островками чахлой растительности, зацепившейся каким-то чудом за жизнь на этом каменном столе, с серым, бетонным же кубом одноэтажного здания, возвышающемся в центре и рельсами, обрывающимися в самом начале бетонной площадки.

– Закрепимся там!.. – пояснил Данил на бегу, тыкая пальцем в здание. – В зарослях шансов нет! А если и внутрь попасть удастся – тогда мы вообще в шоколаде!..

В плане организации круговой обороны место и впрямь было исключительно удобно. Небольшое здание в центре, размерами чуть больше КПП, имело узкие вытянутые окна-бойницы на все четыре стороны света. И местность вокруг, благодаря голому бетонному полю, как на ладони.

Дверь – толстенная «герма» с запорным поворотным штурвалом – к великому счастью, оказалось не заперта. Прямо-таки ощущая затылком выбирающееся из чащи Нечто и чувствуя, как с ног до головы его охватывает какой-то иррациональный слепой ужас, Добрынин, пропустив ребят одного за другим в приоткрывшийся проем, втиснулся внутрь сам и сразу же потянул гермодверь на себя, запечатывая проход.

– Окна! Окна разобрали по одному! Восточное – мое! – заорал он, крутя пронзительно скрипящий штурвал.

Закрутил, заблокировал – и тут же бросился к забранному толстенными арматуринами окну. Выглянул наружу, одновременно с этим засовывая дробовик в чехол и вытаскивая винтовку... и успел только заметить серое расплывчатое тело, скользнувшее за КПП. Да и то уверенности не было – далеко ведь, метров сто. Он напряг глаза, вглядываясь в зеленую стену леса – но больше разглядеть ничего так и не смог.

– Кто-нибудь видит что? – послышался сзади спертый от страха голос Букаша.

– Вроде мелькнуло... – тут же отозвался Данил. – Хотя – хрен его знает... Пятно какое-то туманное. Может просто стекла запотели...

– У меня чисто, – сказал Халява. Добрынин оглянулся – Артем сидел с западной стороны и неотрывно смотрел в окно. – Зря мы так рвали...

– Ты вообще молчи! – тут же откликнулся Дед. – Тёмьч, ты – слон! Если б не ты – мы б и не рвали так! Спокойно бы дошли, глянули – и назад!

Артем что-то буркнул, но переругиваться не стал – виноват, чего уж...

– Ладно, ребят... – примирительно сказал Букаш. – Так вышло... И раз мы все равно здесь, да еще и внутрь попали – почему бы не осмотреться?

Но смотреть тут, по большому счету, было не на что. Здание внутри было абсолютно пустым – одна большая комната, голые стены, пол и потолок. Шаром покати. Но зрелище довольно любопытное – вся внутренняя поверхность облицована квадратными плитами гладкого полированного материала, которому даже прошедшие годы не смогли нанести сколь-нибудь заметного вреда.

– Металл что ли... – колулая кончиком ножа облицовку стены, бормотал Гриша. – Гладкий абсолютно и вмятин не остается.

– Это, похоже, сталь полированная, – отозвался Дед, поглаживая рукой стену. – Вы посмотрите – между плитами волосок не пройдет! Где-то ведь тут должна быть дверь или люк какой-то... Зачем-то же этот предбанник построили...

– А вдруг у него другое назначение? – предположил Букаш. – Вдруг это просто КПЗ... Или здесь живность какую-то держали, подопытную... Для того и голое поле вокруг – чтоб если вырвется, пулеметами покрошить...

– Ага... И запорный штурвал изнутри, – усмехнулся Добрынин. – Где тут логика?

Гришка пожал плечами.

– Я не строитель, откуда мне знать...

– Вот и я тоже думаю, что это предбанник, – глядя в окно сказал Халява. – Только странно как-то... Тогда тут хоть какой-то намек на вход должен быть... Пульт какой что ли, где пароль надо ввести... Кнопочки, там, экранчик... Или как в фильмах – сканер сетчатки и отпечатков пальцев. А тут стены расквadraченные – и...

Фразу он не закончил – хрюкнул от неожиданности и замер на месте, вылупившись в окно. Правая рука потихоньку поползла к стоящему у стены под окном «калашу»...

Данил, подхватив «Винторез», сразу же оказался рядом. Выглянул осторожно – пусто...

– Где?

– Вон там... – тихо, на пределе слышимости, прошипел Халява. – Дерево толстое, метров пять над землей... В развилке оно... Видишь?..

Чем дальше приглядывался к указанному месту Добрынин – тем яснее ему становилось, что Артем каким-то образом углядел то, что и углядеть-то в принципе было невозможно... Там, в развилке большого раскидистого дерева и в самом деле что-то было... Но вот что – точного ответа на этот вопрос он дать не мог. Пятно тумана... облако дрожащего воздуха, словно марево над землей в жаркий полдень... Оно дрожало, переливаясь – и сколько бы ни вглядывался Добрынин, яснее его контуры и очертания не становились. Оно было похоже на призрак, какое-то нематериальное тело, сквозь которое просматривались находящиеся за ним предметы. Ствол дерева, листва... Правда, просматривались с искажением – воздух слегка мерцал и оттого предметы на заднем фоне шли рябью, плыли, словно отражение в воде... Просто – мутное туманное пятно в листве. И как только Халява углядел?..

– Я как про серое пятно от тебя услышал – так и сразу просек, что дело не чисто, – словно отвечая на невысказанный вопрос, шептал в левое ухо Артем. – Приглядываться стал... Вот в развилке и увидел... Мерцает оно... И еще – ветки...

– Что еще за призраки тут водятся... – послышался в другом ухе шепот Макса. – Души солдат, не нашедших покоя?

– Это не призраки, – ответил Добрынин, глядя на так заинтересовавшие его ветви дерева. – Смотрите как ветви под тяжестью гнутся. Оно материально. Но маскировка – что надо. Идеальная.

– Хамелеон... – прошептал Букаш.

Данил кивнул, поднимая к плечу «Винторез».

– Стрелять будешь?

– А сколько нам тут сидеть? Пошарили, оценили... хозяина медной горы поглядели. Уходить надо – а как, если он нас караулит?

Угольник лег в верхнюю часть пятна, туда, где мутным бугром угадывалась голова. Дальномерная шкала сразу дала примерное представление о размере и габаритах существа. Гораздо выше среднего человека – пожалуй, метра два с серьезным гаком. И по ширине не уступает.

«Амбалистое... Ничего, сейчас поглядим, как ты на девяточку среагируешь. Уж череп-то у тебя не прочнее стальной пластины...» – пронеслась мысль.

Добрынин вдохнул – и на выдохе плавно выжал спуск. И он ожидал чего угодно – но только не того, что произошло дальше...

Это был словно беззвучный взрыв, взрыв из пустоты. Казалось, пуля просто расколола создание на тысячи мгновенно проявившихся из воздуха мелких черных частичек, которые, кружась, словно хлопья сажи, стали медленно оседать на землю.

– Ни хрена себе, дела... – начал было Букаш – и тут же умолк, глядя во все глаза на то, что происходило под деревом.

Да и остальные пялились туда же, пораскрыв от удивления рты...

Там, куда оседала эта черная масса, трава вдруг начинала странно шевелиться, словно по земле бегали какие-то мелкие-мелкие существа... Данил выхватил из подсумка бинокль, направляя на рубеж, где оканчивалась трава и начиналось бетонное поле... Покрутил колесико, наводя резкость – и оторопел. Из зарослей подлеска черным потоком в сторону бетонной коробки ползли мелкие – не больше землеройки – амебоподобные создания. «Юкон» давал отличное увеличение, и Добрынин отчетливо видел, как выстреливая ложноножками, они цепляются за мельчайшие неровности бетона, подтягиваются, закрепляются – и вновь выкидывают вперед свои мелкие щупальца, двигаясь при этом с поразительной скоростью!

– К нам ползет... – хрипло пробормотал рядом Дед. – А ведь оно через окна без проблем залезет... И что тогда?

– Ну-ка врежьте кто-нибудь... – наблюдая за приближающимся ковром, сказал Добрынин. – Давай, Макс!

Длинная очередь не принесла особого урона. Пули рвали отдельные особи в клочья, отбрасывая их назад, но на общую массу это почти не влияло – амебы продолжали упорно ползти вперед.

– Огнемета ни у кого не припасено? – с напряженным смешком спросил вдруг Халява. – Мож в подсумке завалялся?.. Туда бы напалмом...

– Командир, у тебя же подствольник! – обернулся Дед. – Давай! Зажигательные есть?!

– Дома оставил, в рюкзаке... – досадливо поморщился Данил. – Две термобарических, три зажигательных... Мало осталось, решил побереечь. С собой только осколочный в стволе!

– Так что делать-то?!

– Сваливать пора, – ответил Добрынин. – Отходим. Если будет догонять – со всех стволов жажнем, да еще я гранатой запулю. Поглядим, что получится...

На то, чтобы отвинтить запорный штурвал, понадобилось несколько мгновений. Данил высунулся наружу, осматривая окрестности... чисто ли, или скрывается кто в зарослях – разве поймешь вгоропях...

– Тридцать метров... – в голосе Халявы слышались уже панические нотки. – Быстрее, мужики! Подползает!

– «Змейкой». Артем – прямо, Макс – левый фланг, я – правый. Букаш – тылы кроешь, – отдал приказ Добрынин, выстраивая группу. – Бегом марш!

На бетонке все шло еще сравнительно гладко – группа двигалась четко, каждый понимал, что лезть вперед или отставать чревато – и сам ляжешь и остальных тут же положишь. А вот после того, как нырнули в заросли – пошло тяжелее...

Бег по пересеченке – дело неблагоприятное. Внимание рассеивается – тут и под ноги смотреть приходится, чтоб не сковырнуться ненароком, ногу не повредить, и от веток увертываться, и по сторонам зыркать, и путь выбирать... А тем более, когда на хвосте

непонятная жуткая хрень повисла. Да еще Букаш пыхтит в затылок, подгоняет...

– Халява, быстрее давай! Быстрее!.. – торопил Гриша направляющего. – Как представляю, что будет, когда эта дрянь догонит – волоски на жопе шевелятся...

– Видишь его? – тут же напрягся Добрынин, бросая взгляд через плечо.

– Пока нет... и не хочется! На бетонке оторвались... Зато здесь у нее преимущество! Мы через бурелом лезем – а оно по земле стелется, под преградами проходит...

Тут Букаш был абсолютно прав. Большую скорость развить не получалось – постоянно приходилось искать пути в обход непроходимых завалов, перепрыгивать или нырять под преграждающие путь упавшие деревья, ломиться сквозь цепляющийся за комбинезон и снарягу кустарник, продираться через полянки, заросшие густой высокой травой... Лес, словно признавая неведомое создание своим, тормозил как мог, мстя за зло, совершенное человеком двадцать лет назад.

– Что это такое вообще?.. Командир, ты что в бинокль видел?.. – отдувался Артем.

– Сам не понял, – сберегая дыхание, скупо ответил Добрынин. – Биомасса... Амебы... Хрен поймешь! Дыхание береги. Не болтай.

Однако так просто любопытство Халявы унять было невозможно.

– Попал в него?

– Оно и рассыпалось только потому что попал! А толку?..

Артем чертыхнулся.

– И как с ним бороться?..

– Напалм?.. – тяжело дыша, предположил из-за спины Букаш.

– Надо бензин, мыло, алюминиевую пудру. Других способов не знаю, – ответил Добрынин.

Миновали внутренний периметр. Повезло – здесь исключительно удачно рухнуло здоровенное подгнившее дерево, подмяв собой и прижав к земле один из пролетов забора. По его стволу, как по мостику, сталкеры благополучно перебрались через «коллочку». Спрыгнули с другой стороны.

– Перекур три минуты, – скомандовал Данил, решив дать пацанам заслуженный отдых.

Он-то сам ничего, и не такие еще нагрузки выдерживал... Вполне сносно себя чувствовал, даже дыхание не сбил – а вот ребятам, похоже, приходилось хреново... Стоят согнувшись на подламывающихся ногах, дышат загнанно, цепляются друг за друга... Шутка ли – километр бега в рваном темпе, с препятствиями, да еще с полной выкладкой и дополнительными килограммами добытого боезапаса за плечами!

– Дальше... ху... ху... ху... куда?.. – озираясь вокруг и пытаясь отдышаться, спросил Халява.

– Левее забирай, к югу уклоняйся! Пойдем мимо плаца, через казармы! Если прямо – с запада выйдем и придется по лесу крюк делать до города!

– Вон... плац!.. Уф... Вон!.. – упираясь руками в колени, глядя сквозь редкий здесь подлесок, ткнул пальцем Дед. – За ним казармы! До бетонки немного осталось...

– Что нам бетонка? Нам до города еще бежать и бежать, – обрадовал его Добрынин.

Макс застонал...

– А если отстанет?.. Не ползет за периметр...

– С чего ты взял, что не ползет? – настороженно прислушиваясь к доносящимся из чащи звукам и пытаясь определить их принадлежность, спросил Данил.

– А чего ж оно столько лет здесь сидело?.. Выло по ночам, за территорию носа не

казало...

– Да просто вкусных сталкеров рядом не было... – пояснил Гриша. Он вроде бы отдышался немного и теперь стоял более-менее ровно, держа в руках автомат и поглядывая по сторонам. – А как появились...

– Замолкли все! Тишина! – оборвал его Добрынин.

Шелестит?.. Или только кажется?..

Звук этот услышал, похоже, не только он один.

– Ползет... – пробормотал рядом Дед. – Артем... Букаш... Слышите?

Халява вместо ответа выматерился, поправляя съехавший набок противогаз – и как вспугнутый лось снова рванул вперед.

Теперь дело пошло веселее. Здесь, вблизи плаца и казарм, растительности все ж было меньше, чем в глубине территории – а может второе дыхание открылось... Подстегиваемые адреналином, сталкеры, пройдя краем и опасно поглядывая на пятна плесени, в минуту миновали плац, оставили позади серую стену казармы. Вот и бетонка уже сквозь подлесок проглядывает...

«Неужели и впрямь ушли? – мелькнула у Добрынина мысль. – А вдруг и правда не полезет за периметр...»

Очень уж хотелось, чтобы Дед оказался прав и неведомая нечисть оставила непрошенных гостей в покое...

Вот и забор. Макс, сделав последние три шага, согнулся в три погибели, упершись руками в бетон, будто хотел в едином мощном усилии завалить плиту – и задышал... Казалось – он дышал весь. Дышали, подрагивая, ноги, дышала, мотаясь из стороны в сторону, голова, дышала ходившая ходуном спина – и даже упершиеся в бетонную секцию забора ладони дышали на свой лад, елозя по серому бетону секции. Рядом с ним на колени упал и Артем, не забывая, впрочем, поглядывать по сторонам.

– Дед, Халява – вперед, – скомандовал Данил, вновь поднимая бойцов. – На ту сторону.

– Да погодь, командир... Сдохнем же... – попытался возразить Максим. – Дай отдышаться...

– Идет! – взвизгнул вдруг Букаш, тыча стволом автомата куда-то меж деревьев. – Быстрее, быстрее! Догоняет!

Добрынин, холодея, обернулся – и увидел, как на полянку, метрах в тридцати, выползает шевелящаяся черная масса...

«Подствольник!» – молнией мелькнула мысль.

Он вскинул ВСС, нашаривая пальцем спусковой крючок подствольного гранатомета и двигая кнопку предохранителя:

– За забор! За забор ныряйте! Быстро! Ну!!!

Что там дальше делали пацаны, он уже не видел – все внимание его поглотила открывающаяся перед ним картина...

Существо оживало. Оживало, вновь придавая себе первозданный вид, конструируя себя из амёб, сползающих в одну большую кучу прямо посреди полянки. Они сцеплялись, склеивались, внедрялись друг за друга, лепясь в единое целое, словно кусочки одной большой мозаики, чудовищного пазла – и в этой бесформенной куче с каждым мгновением все четче и четче проступали контуры знакомого существа... И куда как знакомые! – перед Добрыниным, вылепляясь, росло и пучилось существо из детского сада. Клякс. Он подняло голову – и Данил почувствовал, будто его огромные черные равнодушные глаза заглядывают в

самую глубину его души...

– Вот это ни хрена себе... – хватая ртом воздух, прохрипел рядом Букаш. – Это что ж такое, командир?!

Чудовище выпрямилось, вытягиваясь вверх – и, задрвав купол головы в зенит, зашлось жутким каркающим хохотом. И от этого хохота, как совсем еще недавно от жуткого его воя, Добрынину вдруг захотелось тут же, срочно и незамедлительно оказаться как можно дальше отсюда, километров за пятьсот, а еще лучше – за тысячу. Он впервые в жизни испытывал это – ощущение полной растерянности, жуткого, какого-то животного ужаса, беспомощности и смертельной паники перед лицом врага. Этот хохот отрубал напрочь волю и разум, ледяной глыбой сковывая все желания кроме одного – бросить оружие наземь и склониться на милость победителя. Краем сознания Данил успел отметить, как задрожал, упал на колени и выронил автомат, хватаясь за голову, Гриша; слышал, как из-за забора в панике орут что-то оказавшиеся там в мгновение ока Дед и Халява... Отметил – и тут же напрочь забыл, чувствуя, как ледяной рукой сминает и гнет его к земле чужая холодная безжалостная воля... Захрипел, напрягаясь, пытаюсь выпрямиться, освободиться из-под многотонного пресса, и чувствуя, как в страшном напряжении трещат связки и суставы, гнутся кости... Давление чуть ослабло, уступая его бешеному напору – и Добрынин, понимая, что оно вот-вот вернется и эта секундная передышка, может быть, его последний шанс, через силу поднял непослушными руками винтовку, и, отдавая команду сам себе, прохрипел:

– Огонь...

Граната попала в самый центр грудины. Взвизгнули осколки, шрапнелью рванув тело, вгрызаясь в черную, словно резиновую, плоть... Данил видел, как во все стороны полетели рваные клочья – однако желаемого результата попадание не принесло. Существо раскатисто зарычало на низких басовитых тонах, отмахнувшись от гранаты как от назойливой мухи, подобралось, будто сжимая внутри себя какую-то пружину и уменьшаясь в размерах... и Добрынин с внезапной ясностью понял, что разделяющее их расстояние для мутанта ничегошеньки не значит. Один прыжок, не более. И еще понял и то, что противопоставить ему он ничего не сможет.

«Батареи бы... – как-то спокойно, даже отрешенно, подумал он. – С уником в боевом режиме мы б еще поборолись...»

Страха не было, была лишь жалость и какая-то... констатация факта что ли. Вот и он столкнулся с тем, кто оказался ему не по зубам. Кончена жизнь?.. А как же полковник?.. Братство?.. Как же пацаны, те, кто доверился ему, увидев в нем своего командира?.. В конце концов – как же Иринка с Ольгой... остальные обитатели Убежища... Они теперь как?

Все эти мысли разом пронеслись в его голове – а в следующее мгновение монстр прыгнул. Скорость его была фантастической. Пожалуй, он мог дать фору не только Добрынину с его адреналиновыми ударами, но и гораздо более проворному мутанту – горынычу. Черное тело размазалось в воздухе – и всей своей массой обрушилось на человека. Данил только и успел чуть развернуться, подставляя под удар плечо и левый бок – а потом его смело чудовищным ударом и он, протаранив бетонную секцию забора, в последнее мгновение увидел только ослепляющую вспышку, взорвавшую тьму перед глазами... и кувырком полетел в черную мглу беспомыслия.

Глава 4

Бег по пересеченной местности

Что-то ему мешало. Прямо на нервы действовало. Трясло, подталкивало, хлопало по щекам... Да еще и жутко воняло при этом! Добрынин ткнул туда рукой, намереваясь вздремнуть еще часика полтора-два – но надоедливое нечто принялось за него с удвоенной энергией. Данил выматерился – получилось хрипло и неразборчиво из-за пересохшего горла – и вдруг как-то разом все вспомнил... Клякс, погоня... Бетонный забор, с которым встретилось в полете его многострадальное туловище... Сон? Он вскочил, продирая глаза – и зашипел от внезапно вспыхнувшей в левом боку боли. Нет, сном тут и не пахло – рядом сидел Хирург с какой-то склянкой в руках и пытливо глядел на него. Склонил голову на бок – и влепил очередную пощечину.

– Сейчас руку сломаю! – зарычал, морщась, Добрынин, перехватывая его запястье. – Все, я в порядке...

– Вот теперь вижу, – удовлетворенно усмехнулся Вадим, высвобождаясь из захвата.

– А я бы еще разок добавил, – с деланной озабоченностью сказал Батарей, стоящий за его спиной. – Как-то неадекватно он себя все еще ведет...

– Пить дайте, – прохрипел Данил, осматриваясь.

Он лежал на полу, на разостланном спальном мешке в какой-то обшарпанной комнатенке. В дальнем углу дореволюционного вида колченогая печь-буржуйка, в которой, бросая красно-оранжевые отблески на стены и потолок, чуть слышно потрескивал огонь, рядом в беспорядке свалена куча разномастных рюкзаков и баулов. Тут же, у печки, сидел Леха Маньяк, с сосредоточенным видом начищающий свой «калаш», а у окна с автоматом в руках примостился Букаш, неотрывно глядящий наружу. Сквозь распахнутое настежь окно с покосившимися створками рамы виднелось голубеющее постепенно небо – погода, похоже, приходила в норму; вон даже солнце местами проглядывает.

– Долго я в отключке? – озираясь по сторонам и потирая затылок, спросил Добрынин.

– Часа два уже, – ответил, поднимаясь и завинчивая склянку, Хирург. – Полфлакона нашатыря на тебя истратил. Здоров же ты дрыхнуть. Хотя – приложился-то ты башкой, да об бетон... Если б не шлем...

– Где мы?

– Противогаз одень, – вместо ответа сказал Вадим. – Семь рентген...

Данил подобрал лежащий рядом противогаз, расправил ремни, натянул на голову.

– Удивлен, признаться, всех вас снова видеть. Думал – все, конец... Что там дальше-то произошло?

– Вовремя мы подошли, – присаживаясь рядом, усмехнулся Пашка. – И полет твой видели, и хрень ту, лупоглазую... Всеми стволами ее приняли – только ключья полетели...

– Завалили? – удивился Данил.

– Куда там, – отозвался от окна Букаш. – В лес драпанула. Прыгать она – будь здоров... Ну хоть отвязалась – и то хорошо. А ведь могла и сожрать... как два пальца об асфальт.

– А у меня вот полное впечатление сложилось, что не хотело оно нас жрать, – возразил Пашка. – Тебя же не тронуло, – кивнул он Данилу.

– Не тронуло?.. – Добрынин крикнул и вновь пощупал левый бок. Боль понемногу таяла

и ребра вроде бы не поломаны – броня уника здорово помогла, да и мышечный корсет смягчил – но ощущение короткого стремительного полета и жесткого удара в бетон все никак не желало уходить из памяти. – Хрена се, не тронуло... Да если б не уник...

– Если б эта хрень тебя заглотила хотела – ты бы не тут лежал, а в брюхе уже булькал и разлагался, – уверенно сказал Батарей. – У тебя с ним прямой контакт был. И к ней в хавальник ты бы влез без проблем вообще. А так – она тебя просто за территорию выкинула. Хоть и летел ты как из пушки, и секцию бетонного забора завалил – а вот жив все же... Сожрать-то она нас могла... судя по тому, что парни рассказали, вся наша огневая мощь ему как детский лепет – да вот хотела ли?.. Мы его, конечно, встретили со всех стволов – но что-то я не видел большого урона. Так... шуганули только...

– Может оно вообще травоядное, – вклинился в разговор Маньяк.

– Я вот только одного не понял... – проигнорировал это утверждение Букаш. – Если эта тварь по тридцать метров скачки выделяет – то почему же за нами-то ползла? Собралась бы после выстрела – и...

– А вдруг ему время нужно после попадания, чтобы снова собраться, – предположил Хирург, с сосредоточенным видом копающийся в своем мешке. – Или, если мы примем версию Батарей как рабочую гипотезу – не хотело оно вас жрать, только до периметра проводило и за дверь выставило. Да и вообще... завязывайте гадать! Посерьезнее проблемы имеются...

Добрынин насторожился. Какие еще проблемы могут быть после всего, что приключилось? Куда уж серьезнее-то...

Глянул на Пашку.

– У нас новости, командир, – подтвердил тот. – Плохие новости...

– Да ты не тяни кота... за бубенчики, – поморщился Данил. – Чего тут еще?.. Где люди?

– Пацанов в дозоры разослал. Паникар там же. Тебя только ждали, когда очухаешься...

Сниматься надо и уходить...

– Да что случилось-то?!

– Братство в городе, – помолчав несколько мгновений, ответил Батарей.

– Чего-о-о?.. Уверен?!

– Не то слово, – горько усмехнулся Пашка. – Они эту уверенность пинками в нас вколотили. Что я – бронепоезд их не узнаю?

Добрынин выматерился – от души, трехэтажным.

– Когда пришли? Сколько их? Майор там?

– Насчет майора не знаю – но, думаю, вряд ли. Это тот же самый бронепоезд, что и в прошлый раз приходил, в ваше отсутствие. Судя по тому, что ты рассказал – это другое подразделение Братства, не то, которым Аббас руководит. Пришел после обеда, примерно в час. Мы уже во всю складами занимались, самое ценное барахло в твой схран утащили – и тут Лосяш прибегает, докладывает. Ну мы оттуда и свалили... Из собственного Убежища... – Пашка заиграл желваками. – С-суки...

– Дальше! – поторопил его Данил.

– Дальше залегли на крыше столовки, через площадь. Понаблюдать. Думали – они за остатками. Дизель качать, склады догребать... А они – нет. Наоборот, разгружаться стали. И надолго, похоже... Флаг над Убежищем вывесили, посты расставили... даже хрень какую-то на гусеницах в сквер вывели. Танк – не танк, «бэтээр» – не «бэтээр»... Вся стволами утыкана... В прошлый раз такая же была.

– БМПТ. Специально против пехоты – против нас, то есть...

– Боятся, ублюдки... – недобро усмехнулся Батарей. – Так чего им тут опять нужно?..

– Майор вроде бы говорил, что есть планы из Убежища перевалочный пункт сделать.

Базу, – припомнил Добрынин. – Тогда еще, на общем собрании говорил, когда на север сманивал... Вот и дождались.

– На ловца и зверь бежит?.. – вопросительно поглядел на него Пашка.

– Оно может и так – да только не с нашими силёнками в бой сейчас ввязываться. У них народу куча, да еще и... «терминатор»^[5] этот. БМПТ в поле по огневой мощи превосходит три мотострелковых взвода вместе взятых, а нас всего двадцать. План прежний – в Пензу, иначе просто никак, – сказал Добрынин. – Подмога нужна. И потом – на хрена нам этот форпост сдался?

– Ну как же... Дом родной... – набычился Батарей.

– Дом там, где семья. Нам наших быстрее выручать – вот первостепенная задача.

– Про зверьков скажи, – подсказал ему Маньяк.

– Точно, чуть не забыл, – кивнул Пашка. – С ними зверьки какие-то... Мы четверых видели. Как... – он потер в воздухе пальцами, подбирая слова, – как мелкие лысые собачки, только впереди что-то типа короткого хобота. Мутанты, наверно, – радиации не боятся. Держат их на поводках – и они все время носами по земле елозят. Пылесосы хреновы...

– Твою ж мать! – выругался Данил.

Не нужно семи пядей во лбу быть, чтоб догадаться.

– Что – знаешь таких? – наострился Пашка.

– Не знаю – но понять не трудно...

– Вот и я тоже думаю... – кивнул Батарей. – Потому и сниматься надо быстрее, уходить.

Они, похоже, вместо собак у них. По нашу душу – остатки вылавливать...

– Дальше, дальше... – вновь напомнил Добрынин.

– Ну а дальше... Дальше мы следы свои посыпали смесью, как полковник учил – и кругаями через центр города в ясенский схрон. Упаковались, забрали барахло – и за вами. Вас-то надо было предупредить, а то поперлись бы назад и угодили прямо в лапы. Рассредоточились вдоль периметра... Вас тяжело было пропустить – метров за триста услышали, как вы сквозь бурелом ломились и орали. Ну и... успели, короче. Вы там, кстати, что нашли? Пацаны про бункер какой-то говорят...

– Если и есть там бункер – нам в него не попасть. Вообще непонятно, как вскрывается.

Нет входа, не нашли мы его.

– Впустую сходили...

– Похоже что так. Ладно, хватит сидеть... – Данил поднялся, пытаясь определить свое нынешнее состояние. Левый бок и плечо побаливают, башка гудит – но и только. В целом же состояние вполне удовлетворительное. Еще бы – два часа продрых, если Хирург не завирает. Почти что полноценный отдых. – Это все что забрали? – кивнул он на сваленные в беспорядке рюкзаки.

– Нет. Здесь только самое необходимое, в дорогу. Фильтры, вода, патроны, жрачка...

Остальное, все что из Убежища натащить успели – в схроне твоём лежит, дожидается.

– А баул мой?

– Здесь.

Добрынин удовлетворенно ухмыльнулся.

– Вообще отлично! У меня там, на самом дне, радиостанции лежат. Хватанул, когда из

каравана срывался... Я вообще много полезного там ухватил. Охрану, конечно, в расход пришлось – но там было-то четыре человека всего... Даже два кунга успел заминировать и «Тигр» – и, кажется, грохнули они... По крайней мере, я с той стороны взрывы какие-то слышал, когда уже по тайге шел...

– Связь – это здорово! – кивнул Пашка. – Без связи вообще никак. У нас-то все радиостанции сдохли через несколько суток. В схрон уложили да там и остались...

– Эти радиостанции нашим старым бандурам не чета... – усмехнулся Данил. – Собаки, говоришь?.. Ладно...

Он постоял немного, собирая мысли в кучу. Собаки – это плохо. Собаки – это погоня, причем с очень большой вероятностью. То, что кайенской смесью следы посыпали – хорошо, но гарантии абсолютной не дает. Собачки, конечно, след теряют – но в таких случаях выход прост. Уводят собачек чуть дальше и начинают по окружности вокруг бродить, пока они вновь на след не встанут. Время занимает, безусловно – но при должном упорстве, достаточном количестве народа и наличии времени беглецов выследить труда не составит. Может быть уже сейчас по их следу идут... И ведь как назло – дождь еще вчера закончился, подсохло все. По сырой-то погоде запах быстрее выветривается. Хотя – кто его знает, как у тех, с хоботами, с нюхом дела обстоят...

Принимать решение нужно было незамедлительно.

– Так... Где мы сейчас?

– «Белые Казармы», – тут же ответил Батарей.

Добрынин кивнул. «Белыми Казармами» назывался полустанок в пяти километрах от города. Он бывал здесь пару раз мимоходом – и только. А чего тут делать? Пожиться нечем, место тихое, спокойное, даже мутанты редко заглядывают. Всего-то и было тут – барак на несколько семей, заросший колодец, да гнилой, с фундамента до крыши, длинный сарай во дворе.

– Маньяк. Как сюда шли – помнишь? Каким путем?

– А как же!

– Собирайся, покажешь тропу. Сюрприз подготовим... Батарей, уводи людей. Да, подожди, радиостанцию дам... До захода солнца еще часа четыре, километров пятнадцать одолеем. Разбирайте баулы – и вперед. Уходите вдоль тракта до Зеленого Дола^[6], тут недалеко, километра три. Там ждите нас. Мы не долго, скоро догоним.

– Понял, командир.

Местечко для сюрприза он выбрал подходящее – меж двух толстых берез, в густой траве. Расчет прост. Людей эти самые мутанты-нюхачи поведут – и поведут точнехонько по следу, той тропой, как ребята сюда шли. Не миновать сюрприза. Растяжку поставил не простую – в Братстве тоже не мальчишки-призывники собрались, – а парную. Сначала, на уровне глаз, толстую леску от дерева к дереву протянул, чтоб сразу заметили, а перед ней за пару шагов – тонкую стальную нить, на уровне коленей. Леска – обманка. Увидит человек, обрадуется, что заметил, все внимание на ней сосредоточит. Подойдет обезвреживать – да по пути тонкую нить и сорвет. А даже если и ее заметит – следом за леской, в шаге, еще одну растяжку наострил. Сразу две «эфки» поставил, нить у самой земли протянул, да еще и в траве замаскировал – ни за что не различишь. Не человек – так тварь нюхастая сорвет.

– Пятерых, как минимум, – посмеивался, наблюдая за его ухищрениями Леха. – А может быть и собачек зацепит...

– Хоть одну – да зацепит, – уверенно кивнул Добрынин, любуясь делом своих рук. – Нам это и надо. Чем больше выкосим – тем лучше. Не знаю, сколько там этих пылесосов – но не думаю, что много.

– Может и вовсе охоту отобьем?..

Данил покачал головой.

– Это вряд ли... Если они по нашу душу, остатки вылавливать – на этом не отвяжутся. Обозлятся только. Да ничего, мы им войну устроим. Надолго запомнят...

Поднялся, поправляя баул за спиной.

– Ну что? Готов?

Маньяк кивнул.

– Ты направляющий, я замыкающий. Бегом марш.

Бежать Лехе было тяжеловато. Судя по комплекции – килограммов сто двадцать. Причем не чистого мяса, а с изрядной долей жирка. «Ничего, дружок... – подсмеивался Добрынин, слушая как Маньяк, чертыхаясь вполголоса, пыхтит впереди. – Я тебя до кондиции-то доведу... Дорога впереди длинная и все бегом... К зиме стройным станешь, как кипарис...»

– И за сколько ты... уф... до Пензы... уф... уф... планируешь добраться? – словно угадав его мысли, полуобернувшись на ходу, спросил Леха.

– Здесь чуть больше ста километров, – прикинув, ответил Данил. – Дня за три-четыре, думаю, доберемся...

– Сто с лишним километров за три дня... – усомнился Маньяк. – Скорость не та. Не успеем пёхом...

– Пёхом? – ухмыльнулся Добрынин. – Бегом, дружище, бегом. Ты думаешь, я пёхом тащился, когда назад возвращался? Как бы не так. Я б тогда и к зиме не успел. Да я половину этого расстояния, если не больше – бежал!

Леха недоверчиво хмыкнул, но промолчал.

– И если уж подготовкой мы всерьез решили заниматься – то и откладывать нечего, – продолжал Данил. – Будут у вас самые настоящие полевые сборы. Родионов рассказывал – они месяцами в полях жили, по всем правилам воинскую науку изучали. Так что никаких вам поблажек.

– Ну ты зверей, командир – но меру знай, – закричал в дурных предчувствиях Маньяк. – Загонишь нас – до Пензы не дойдем, сдохнем! С кем тогда воевать будешь?

– Да ты не волнуйся. Я дозированно... – начал было Данил – и замолк.

Остановился, прислушиваясь – там, где они минут десять назад поставили растяжку, негромко, приглушенный расстоянием хлопнул сначала один взрыв, а потом, спустя несколько секунд – второй, сдвоенный.

Добрынин удовлетворенно кивнул.

– То что надо. Все три сработали. С полчаса форы у нас есть – пока они в себя придут, да пока подмогу затребуют, раненых назад отправят... Не ожидали, ублюдки, горячего приема...

– Как-то быстро они на след напали... – пробормотал Маньяк. – Будто знали...

– Чего ж быстро-то... – пожал плечами Добрынин. – Пока вы до Сазани шли, пока оттуда до Белых Казарм, да пока я в отрубе валялся... Сколько прошло? Полдня? Ну может чуть меньше. За это время полгорода обшаришь, а у них – собаки...

– Уйдем, как думаешь?

– А деваться нам некуда, – усмехнулся Данил. – Только уходить и осталось. Наддай, Маньячелло!

Леха, пыхтя и переваливаясь, снова порысил вперед.

До маленькой деревеньки под названием Зеленый Дол они добрались за полчаса. Маньяк, нагруженный баулом, под конец совсем выдохся и хрипел, словно загнанный куропат. Засев в густом кустарнике у дороги, Добрынин вышел на связь – и через несколько минут группа в полном составе была рядом.

– План-минимум на сегодня – оторваться как можно дальше, – разъяснил он задачу. – Пока по тракту пойдем, до темноты. Если к вечеру до Балтинки доберемся – отлично. Может и место найдем, где заночевать. Если не дойдем – в голом поле будем спать, в противогазах. Так что это в наших же интересах. Вопросы?

Ребята молчали.

– Тогда – вперед галопом.

***

Сто двадцать километров до областного центра – пустык по сравнению с тем расстоянием, что уже пришлось преодолеть Данилу. Две тысячи километров – и почти все пешком, на своих двоих! Скажи ему кто хотя бы год назад – поверил бы?.. Долгая, полная опасностей дорога, вымотала его основательно – но организм восстановился всего лишь за несколько дней вынужденного безделья и вновь был готов к долгому и трудному пути.

Молодость – сила.

Хотя караваны заходили в городок редко и нерегулярно, тракт на Пензу все же был в приличном состоянии. Оно и немудрено – там, где хотя бы два-три раза в лето, давя поднимающиеся молодые побег и растирая их в кашу тяжелыми своими колесами, пройдет колонна тягачей – дорогой можно пользоваться с относительным комфортом. А тем более – пешеходу, которому чаще всего и простой тропинки достаточно.

Чередую через каждую сотню метров шаг с бегом, группа двинулась по тракту. В прошлый раз не до того было – знакомился с Профессором и компашкой, и по сторонам не смотрел – и потому местность вокруг Добрынину была теперь почти незнакома. Шли как и полагается – в рейдовом построении, с дозорами. Да и странно, если б было иначе... Впереди, в сотне метров, шел Батарей с двумя бойцами, фланги прикрывали Ставр и Монах, замыкающими двигались Халява и Дед. У каждого дозорного – радиостанция, и каждый докладывает о малейшей опасности. Во время похода на север Данил избаловался – исправная отлаженная связь внутри подразделений у Братства была такой же обыденностью и необходимостью, как и оружие в руках или противогаз. Небольшая цифровая радиостанция давала фантастическую мобильность и управляемость. Это вам не громоздкие армейские бандуры старого образца, которые обычно использовались в Убежище. Вещица показалась ему очень полезной и потому, что бы там не говорил тогда Шрек, вернуться к кунгам и положить охрану стоило хотя бы за тем, чтобы прихватить из хозяйства Хасана десятка полтора таких вот штучек с комплектом запасных аккумуляторов к каждой и зарядником. Майор, конечно, в претензии – но на его мнение, откровенно говоря, плевать. К нему, кстати, как и к полковнику, тоже вопросы накопились...

Со связью руководить группой стало не в пример легче – Добрынин со своего места, из ядра, мог рулить, как ему заблагорассудится. Это было особенно ценно сейчас, когда практики у ребят было не так уж и много и надеяться приходилось в основном на себя. Хотя,

признаться, и опасностей пока не наблюдалось. Насколько он мог судить из своего опыта, основанного на впечатлениях двухмесячного перехода – нечисть концентрированно встречалась почему-то в городах и населенных пунктах. Стоило же выйти за черту города – и на день пути может быть – двух, может быть – трех уродов встретишь. Редко когда больше. Природа будто мстила человеку, располагая основные гнездовья зверья вблизи жалких остатков его поселений, словно желая окончательно задавить тех, кто мнил себя когда-то венцом эволюции.

В течение первого часа удалось пройти километров семь. Начало было обнадеживающим – и Добрынин уже надеялся, что так пойдет и дальше – однако не зря поговорка утверждает: человек предполагает – а Бог располагает.

– Командир! Халява на связи! Движение сзади!

– Влево с тракта! В подлесок! – мгновенно среагировал Данил. – Залечь!

Бойцы, все как один, дружно сползли в кювет. Рассредоточились, занимая круговую оборону на случай всяких непредвиденностей.

– Докладывай! Что видишь, расстояние какое?..

Тракт в этом месте был прям как стрела с небольшим повышением, и потому-то, видимо, замыкающий дозор с горочки и смог заметить погоню.

– Километров пять, – послышался в наушнике голос Артема. – Три квадроцикла, на каждом по два седока. Резво идут, минут через десять тут будут... Твою мать! – злобно выругался он. – На двух квадрах – собачки!..

Добрынин иного и не ожидал. Остальная группа на подходе, следопыты и разведка впереди. Тракт прочесать и найти место, где беглецы сошли – а в том, что они с тракта свернут, никаких сомнений нет. Дальше по прямой идти нельзя – рано или поздно догонят. Только и остается в дебри уходить, скрываться.

– Внимание! Паникар, направление – север, перпендикулярно тракту! – скомандовал он. – Халява, тяни растяжку через всю дорогу. Две «эфки» ставь – и догоняйте!

– Принял.

Продравшись через густую, заросшую лесополосу вдоль тракта – память о ветроограждающих посадках мирного времени, – сталкеры вышли на поле до самого горизонта, постепенно зарастающее молодым подлеском. Крупных деревьев пока было немного, все больше молодняк в рост человека и ниже – но натыкан часто, с трудом продерешься.

Указав направление движения и немного сопроводив группу, чтобы удостовериться, что его поняли правильно, Добрынин скинул свой баул на ребят и свернул назад к лесополосе. Выбрал не очень высокое, но раскидистое дерево с густой кроной, с которого поле было как на ладони, забрался до первой развилки. Оседлал толстый горизонтально растущий сук, проверил ВСС, вытянул из подсумков бинокль и три гранаты, разложил перед собой. Принялся наблюдать.

Спустя пару минут из-за деревьев вывалились Халява с Дедом.

– Артем, прямо перед вами просека. Наши пробили, – по связи передал Данил. Усмехнулся – слишком уж забавно завертели они головами, пытаюсь его высмотреть. Не видят – это хорошо, значит, неплохо уселся. – Группа ушла, шустрее за ней. Растяжка стоит?

– Сделали, – ответил Халява. – А ты где сам? Остаешься?..

– Догоню.

Пацаны, словно вспугнутые лоси, ломанули дальше. Добрынин проследил со своего

насеста – правильно бегут, ошибутся вряд ли... Тяжело гружённый отряд оставил за собой прореженную тропу в молодняке, сбиться невозможно. Догонят, никуда не дернуться.

Теперь оставалось только ждать.

Засада была выбрана верно, в этом он нисколько не сомневался. Рев квадров будет слышен заранее, да и гранату не пропустит. Если после этого тишина наступит – снимется с насеста, проверит, да уйдет. Если же живучими окажутся, из посадки полезут – из ВСС отработать и все. Но самое главное – собачки! Нужно лишить противника нюха – тогда и убежать сломя башки больше не придется. Ишь чего удумали – охоту устроили, словно на щенков!

Моторы он в самом деле услышал загодя. Преследователи шли быстро, словно были абсолютно уверены в собственной безопасности. На подходе, правда, чуть замешкались, притормозили, рев двигателей стал каким-то осторожным... «С тракта спускаются?.. – удивился Данил. – А где же растяжка?.. Почему не сработала?! Засекли?..»

Как в воду глядел. Квадры заревели совсем уж близко – и на поле, метров пятьдесят перед ним, переваливаясь по кочкам и подминая молодняк широкими колесами с мощным протектором, выбрались три квадроцикла.

«Ай да Халява, ай да сукин сын...» – успел только подумать Добрынин, перефразируя слова знаменитого поэта. А дальше стало не до упражнений в изящной поэзии – все внимание он сосредоточил на противнике.

Квадры шли один за другим – так было легче проламываться сквозь изрядно заросшую со времен Начала посадку. Шестеро бойцов в броне и шлемах, двое держат тех самых собачек с хоботами. Данил пригляделся – фу, пакость... Мерзкие создания, иначе и не скажешь. Шерсти нет, голая морщинистая кожа, морда вытянута что твой противогаз и плавно переходит в толстенький короткий хоботок. Одна из пакостей вдруг звонко затыкала, обернувшись мордочкой в сторону засады – и Добрынин понял, что пора переходить к активным действиям.

ЗШ-1 не держит бронебойную СП-6. Угольник встал на цель как влитой, расположившись в самом центре шлема, и он почувствовал, как в предвкушении схватки по жилам, замедляя и растягивая течение времени, огненным потоком потек адреналин... Первая пуля – замыкающему. Это аксиома. За шумом двигателя, пожалуй, было бы не слышно и пулемет – не то что тихий кашель «Винтореза». Выстрел! Водителя вынесло из седла как безвольную куклу. Тело еще падало – а Данил уже повел стволом, выцеливая пассажира. Тот едва ли успел что-то сообразить – привстал в удивлении, хватаясь и выправляя вильнувший влево руль, оглядываясь на выпавшего из седла напарника – и подставил очень заманчивую цель – затылок. Палец жмет на спуск – и пуля бьет в основание шеи, над воротником бронежилета. Тело бросило вперед, руль вывернуло – и четырехколесная махина с беспомощным ревом завалилась набок. Двигатель застучал с перебоями, захлебнулся, седоки на передних квадрах дружно обернулись... Добрынин, понимая, что время стремительно уходит, унося с собой преимущество внезапности, перекинул угольник на водителя передней машины и всадил в него сразу две пули. Одна ушла в подмышку, вторая пробила плечо. Водила распластался на руле и квадроцикл тут же встал как влитой, вздрогнув всем корпусом. Собачонка, сидевшая на руках у заднего седока, с визгом вырвалась из рук, скатилась на землю и, петляя между стволиков молодняка, дернула куда-то в сторону...

«Уйдет!..»

Доли секунды на выбор – и Данил, чуть подвинув ствол вслед убегающему мутанту,

выстрелил, целя на опережение. Зверек без единого звука кувыркнулся за кочку.

«Один долой!.. Следующий...» Добрынин вновь перевел ствол, но прицел нашарил только пустые седла – бойцы противника уже успели выпрыгнуть и нырнуть за корпуса машин, вовремя сообразив, что нарвались на засаду, и определив ее примерное направление.

Не давая им опомниться и открыть ответный огонь, Данил сорвал сразу три «эфки» – и одну за другой отправил гранаты в сторону противника. С той стороны что-то закричали благим матом – он не слушал. Подхватил винтовку, забросил за спину, сполз по стволу дерева... Присел на мгновение в ожидании – и синхронно со взрывами стартовал по краю посадки, обходя застывшие квадроциклы с левого фланга. То, что его заметят, не опасался – даже если и остался там кто в живых после трех гранат, какое-то время повалятся, приходя в себя. Тут уж не до окружающих шумов – в своей бы башке гул утихомирить...

Однако слушать окружающие шумы было уже некому. Когда Добрынин, ползком пройдя последние метры, обошел квадры – увидел за ними лишь бездыханные тела в изорванных осколками комбинезонах. И – тушку маленького лысого пылесоса.

Засада удалась.

Проверив, нашел в рейдовых рюкзаках немного полезного. Боезапас натовской пятьдесят шесть и пять-сорок пять, дымы, литров десять воды, шесть пятнистых пакетов армейских ИРП^[7]... Все это сгрузил себе – в их положении нос воротить не приходится, любой хабар впрок пойдет.

Оружие брать не стал. Лишнее. Дальнейшее развитие событий предугадать сложно – могут и отстать, сообразив, что не со щенками дело имеют, а могут и утроить усилия. И в таком случае любой лишний килограмм многопудовой тяжестью к земле тянет.

Была мысль на счет квадроциклов, но, осмотрев технику, он с сожалением вынужден был констатировать, что использовать железных коней не удастся. У всех трех были в лохмотья изодраны колеса, у того, что в центре, пробит навывлет топливный бак, а у крайнего осколок засел в двигателе и глядел теперь на мир острыми зазубренными гранями. Техника могла бы улучшить мобильность группы... но на нет и суда нет.

Пока нагонял своих, немного пошевелил мозгами. Получалось что-то очень уж странное... Растяжку они не сорвали. Тут два варианта – либо Артем накосячил, не смог грамотно замаскировать, либо они заранее знали, где группа свернула с тракта, по всем законам ожидали в этом месте подянку, и без труда ее обошли. Второе предположение слишком фантастично – ну откуда бы им знать? Получается – Артемов косяк? Поставить растяжку – дело не трудное... И заметить на скорости тонкую нить через дорогу – это надо орлиным зрением обладать. И реакцией фантастической – чтоб тормознуть успеть. Неужели так безграмотно выставил?.. Ладно... Косяк – не косяк, а командир подразделения сам виноват. Заставил необученного бойца незнакомую работу делать. В следующий раз наука будет: хочешь сделать что-то правильно – сделай это сам.

Как бы не думал Добрынин о своих пацанах, как о необученных малолетках – встретили его грамотно. Пропустили, затаившись в молодняке по обеим сторонам проторенной тропы – и ткнули в спину стволами, едва лишь он пробежал мимо.

– Стоять! На месте! Руки за голову! – послышалось за спиной.

– Да свои, свои... – ухмыльнувшись и подняв руки, Данил медленно развернулся.

Сзади стояли Паникар и Лосяш. Данил одобрительно кивнул – замыкающий дозор был подобран грамотно. Лосяш с ПКМ – и Паникар в пару, автоматчиком.

– Ну чё, командир? – тут же пристал Лось. – Как там?.. На растяжку напоролись?

– Обошли. Пострелять пришлось. Группа где?

– Тут все, недалеко. Лежат... – ответил Леха и нажал тангенту гарнитуры: – Отбой тревоги. Командир.

Ребята и впрямь лежали неподалеку – развернувшись в боевой порядок, готовые встретить неприятеля огнем всех наличных стволов.

– Хвост я пока обрубил, – обрадовал их Добрынин. – Не знаю как – но место, где мы сошли с тракта, они нашли на раз, даже не останавливаясь. В связи с этим возникает вопрос к Халяве... Артемушко, дорогой, а скажи мне – как ты растяжку-то ставил?

Тот пожал плечами.

– Да как... Протянул над землей и все. Высота – сантиметров тридцать... Там еще место такое ровное – а потом ямы и кочки начинаются. Ровное место водила игнорирует, на ямы все больше смотрит – вот и пропустит растяжку...

Данил задумался. Все верно, сам бы так поставил... тогда возникает другой вопрос – как? Как они ее заметили и обошли? Неужели зверьки?..

– Подозреваю, что эти самые мелкие твари – нюхастые до неприличия. Двух, что они с собой везли, я положил, но вы вроде бы еще видели... Так что бежать нам теперь придется долго и упорно.

По группе прокатились матюги вперемежку со стонами. Добрынин покивал.

– Можете стонать, можете ругаться – а деваться некуда. У них техника. Мобильность выше, скорость выше, огневая мощь – выше... А если за нами сама БМПТ поперет – то и вообще дело швах. Спрятаться не получится – она вокруг себя на триста шестьдесят градусов видит. ПНВ, тепловизор, лазерный дальномер... Нагонит и на месте всех положит. Ее растяжками не остановишь, а противотанковых у нас нет. Даже самого завалищего «Утеса»... Одно только легкое стрелковое.

Ребята молчали – проникались постепенно нарисовавшимися перед группой перспективами. Вроде бы и оружие в руках – да только бесполезно оно, будто и не оружие вовсе, а так... деревяшки. Жуткое ощущение рождается, когда понимаешь, что сзади – смерть. Настигает безжалостно и неотвратимо, и оторваться не получится, как не старайся. Не убежать, не спрятаться. Как в страшном сне, когда бежишь все вперед и вперед – а сзади, хрипя и брызгая вонючей слюной от бешенства, настигает НЕЧТО. Что-то, на что ты даже обернуться и бросить взгляд не смеешь, понимая, что собьется тогда от ужаса дыхание, заплетутся ноги и сожрет ОНО тебя со всеми потрохами. И разница тут только одна. Там ты – проснешься. А здесь – уснешь навсегда.

Трусов в группе не было – но картина, нарисованная командиром, подхлестнула ребят. Первые полчаса прошли в похвальном темпе – работал первый страх. По прикидкам Данила, делали километров десять в час – и это при том, что шли изрядно нагруженные бараклом. Жалко было квадры – можно было бы сгрузить все имущество на них и подсаживать иногда уставших и отстающих, передохнуть – но тут уж ничего не поделаешь. Не подумал как-то сразу, иначе без гранат бы обошлось. Взять в клещи, расстрелять с двух сторон – вот тебе и техника...

Потом, конечно, стали выдыхаться и скорость пришлось снизить – но соблюдать размеренный темп. К размеренному движению организм приспособливается лучше всего – а это значило, что есть шанс пройти большее расстояние.

Сам Добрынин шел на своем законном месте – в ядре – прекрасно понимая и объективно осознавая свою ценность как командира подразделения. Командира всегда, в

любых условиях, берегут как зеницу ока. Потеря командира – это, очень часто, гибель всей группы и это, похоже, полковник тоже вколотил ребятам со всем усердием и старанием. Ибо Паникар – едва только Данил дернулся в передовой дозор, резонно опасаясь, что пацаны вляпаются по неопытности в засаду или еще в какую неприятность и улягутся в землю – твердой рукой его остановил и пояснил, что делать ему там нечего. Старшим передового дозора шел Батарей, а чутье на опасность, реакция и способность различать чужеродные тела на местности у Пашки были развиты будь здоров.

Едва выбрались из зарослей молодняка – сразу же свернули восточнее. Здесь некоторое время шли по дну мелкого ручья, сбивая пылесосов, буде такие еще имеются, со следа. Потом ручей завернул на север – и Данил приказал выбирать на берег. Устроил короткий привал – не столько даже для отдыха, сколько для того, чтобы вскрыть пару блоков с сигаретами и смешать толченый табак с имеющимся в запасе мелким черным перцем. Посыпал след щедрой рукой, раздал по пачке каждому. И после того, во время движения, выдав указание некоторое время идти «змейкой», через каждые триста метров обрабатывал след, пока не израсходовали половину запаса. Тогда только успокоился – чем чувствительнее и нюхастее нос, тем легче его забить посторонним и резким запахом. «Кайенская смесь» в этом плане идеальна. Табак и жгучий перец, попав внутрь, мгновенно выжигают слизистую оболочку и обонятельные рецепторы. После такого «прихода» мелкие лысые тварюшки не скоро восстановятся – если восстановятся вообще...

Почти все время они шли по прямой, на северо-восток, лишь изредка отклоняясь то правее, то левее, в обход слишком уж густых зарослей, попадающихся изредка овражков или локалок с особенно высоким излучением. Местность медленно, но неуклонно поднималась вверх, оголялась все больше; на смену густому молодняку в рост человека и выше вставала низенькая, постепенно редеющая, травка. Это было неприятно – в чистом поле и спрятаться негде и ночевать паршиво. Костер не разведешь – видно до самого горизонта, от дождя и ветра не укроешься... Да и чисто психологически неуютно, когда тебя за километры на этом ровном столе видать. Всю ночь глаз не сомкнешь, ждешь противника, слушаешь – а поутру снова в путь.

А солнце между тем садилось все ниже и ниже. Добрынин, сверяясь с картой и стараясь отмечать пройденный путь – благо основные крупные ориентиры, типа оврагов и речушек, за двадцать лет никуда не делись – наконец с радостью увидел, что впереди маячит населенный пункт. Было до него еще километров пять-шесть, но это значило, что ночевать в чистом поле не придется – какая-никакая, а крыша над головой на эту ночь обеспечена. Вот только б не загнать людей... Он покосился на бегущего рядом Маньяка – Леха дышал тяжело, дыхание со свистом проходило через фильтры, вырываясь наружу. Ладно... Километров пятнадцать прошли, полчаса ничего не решат. Заодно и оглядеться не помешает.

– Привал, – скомандовал он, едва слева показался очередной овражек и за ним – вытянутый холм, с поросшей растительностью макушкой. – Нырйте туда. Паникар – охранение по периметру.

Сам же отдыхать не собирался – не до того. Взяв в пару Немого, взобрался на холм – осмотреться. Прежде всего, интересовал пройденный путь. Усадив Витальку за дерево, чтоб не отсвечивал на вершине, Данил пробрался по гребню чуть дальше. Залез в кустарник, достал верный «Юкон», занялся, сверяясь с картой, изучением.

Холм был высшей точкой. Сюда они двигались почти все время вверх в пологую гору, дальше же двинутся под гору, что не могло не радовать. Люди выдохлись, шутка ли – весь

день, с самого утра, в движении да с полной выкладкой. Так что деревенька кстати – отдых жизненно необходим.

Бинокль в шестнадцать крат работал прилежно, старательно давая необходимое увеличение, и потому Добрынин очень скоро сориентировался. Ага... Вот он, путь. Вот здесь овраг обошли... Тут – через ручей вброд лезли... Вон просека, что в молодняке пришлось проделать, а вон, почти у самого горизонта – то самое место, где засаду устроил. Только вот квадроциклов там больше не было. Данил присмотрелся – так и есть. Пусто, ни единого следа, словно корова языком слизнула. Значит, побывали уже там недруги... Он двинулся по пройденному пути назад, внимательно вглядываясь в каждую складку, каждый холмик, каждую подозрительную точку – и вынужден был констатировать, что хвоста за ними нет. Это радовало. Неужели оторвались? Странно... Данил пожал плечами, адресуясь сам себе... Будь у него такие резервы – уж он бы их мелкую группу дожал. А может быть приказ сверху пришел – оставить в покое?.. У Братства ведь спутник для связи имеется... Решили: раз ушли из города – скатертью дорога. Зубки-то им уже показали, преследовать – только людей терять... Как бы то ни было: отстали – да и хрен с ними. Нашим легче.

Так... А что там впереди?.. Не врет ли карта?

Исследуя местность по ходу движения, Добрынин и впрямь заметил вдалеке какие-то серые строения. Судя по карте, деревушка расположилась в низине между двумя холмами. Карта свидетельствовала, что в Те времена холмы распахивались под посев. Теперь-то конечно травщей заросли по пояс, кустарником – но все равно местность вокруг пока открытая. Это плюс – труднее незамеченными подойти. Хотя, если в окружение в этом селеньице попадут – и уйти так же сложно будет. Разве что по той же низине идти, она порядочно кустарником заросла... Удобная низинка – начинается километрах в полутора, проходит прямо через деревушку и оканчивается километрах в пятнадцати к северу. Пожалуй, оптимальный вариант...

Вниз начали спускаться только после того, как обработали место стоянки, тщательно заметая следы. Конечно, от опытного следопыта-таежника не скрыться, вполне возможно, что и такой может оказаться среди персонала бронепоезда – но уж от мелких тварей табачок с перцем должен помочь. Глядишь и потеряют след – в то, что их оставили в покое, Добрынин пока не верил, закономерно ожидая со стороны преследователей любой подлянки.

Здесь, в низине, и в самом деле царило буйство растительности. Чтобы не лезть по кустам и не драть снарягу и комбинезоны, Данил повел группу по левому склону – так и к деревушке поближе, ручей не надо пересекать. Не доходя метров пятьсот – остановились, рассредоточились, выслали разведку. Вернулись разведчики довольные – деревенька пустая, заросшая, невесть сколько времени не только нога человека не ступала, но и копыто мутанта.

Пока шли по заросшей бурьяном и одуванами центральной улице, Данил все с опаской поглядывал по сторонам. Братства он не боялся, нет – но еще свежа была в памяти давешняя встреча со стариком. Одно дело – живой противник, и совсем другое – такие вот леденящие душу призраки. Их на своем пути хотелось как можно меньше.

Хотя уже изрядно стемнело, он все же успел обойти деревушку и выбрать место для ночлега. Обосновались в большом кирпичном коровнике на северо-восточной оконечности селения, чуть на отшибе. Сооружение было мощное, с толстыми кирпичными стенами, хотя и крошащимися уже от времени – такое и от крупного калибра защитит. Крыша зияла изрядными прорехами – но от дождя внутреннее пространство надежно скрывали густые кроны деревьев, растущих практически вплотную к стенам. Здесь, похоже, когда-то был

небольшой животноводческий комплекс – сам коровник, гаражи с ржавеющей теперь техникой, одноэтажное помещение конторы под провалившейся крышей, несколько деревянных сараев. Как жильё – постройки никуда уже не годные, а вот для растопки вполне еще послужат.

Вернувшись к коровнику, Добрынин еще раз обошел его по периметру, продумывая план возможной обороны. Диспозиция вырисовывалась такая. С востока и запада – холмы, открытое пространство с редким кустарничком. С севера – уходящая к горизонту ложбина, хотя и заросшая, но хорошо простреливаемая, с юга – деревушка. До крайних от коровника домов метров сто. Самое милое дело: занять их – и прикрывать наступающих плотным огнем. На подходах забросать гранатами – и все, можно смело внутрь входить. Получалось, если и будут штурмовать – то с большой вероятностью с юга, от домишек. Здесь есть возможность сосредоточить большое количество народа, подвести технику, укрыть ее до времени, выйти на исходные позиции – и тогда уже разом ударить. А значит – необходимо максимально обезопасить именно это направление. Растяжек плотнее наставить, народу побольше посадить... И хотя на горизонте было пусто, Данил прекрасно понимал, что лишние предосторожности никогда не помешают.

Пока ребята, запасаясь на ночь, подтаскивали дрова и разжигали костер, он, сидя на своем бауле, раздавал указания. Приятно иногда командирское положение, что тут душой кривить. Устал – так можешь руководить, не отрывая жопы от теплого местечка, никто тебе слова против не скажет. Чем он и занялся. Расставил посты, назначил очередность смен, уснул Пашку и Артема ставить растяжки – и все это сидя на своем бауле. Наполеон Бонапарт, одним словом... Тем временем Маньяк с Хирургом промерили фон. Он оказался на удивление мал – чуть выше двухсот микрорентген.

– Чем дальше от города – тем чище, – проворчал Леха, сдирая с головы противогаз и с отвращением засовывая его в подсумок. – Знал бы раньше – свалил бы из Убежища еще лет пять назад!

– А жить на что? – усмехнулся Вадим, подсаживаясь и протягивая руки к разгорающемуся в ямке костерку. – Собирательством заняться? Или животноводством?

– Грабежом, – проворчал Маньяк, умащивая поудобнее задницу на своем рюкзаке. – А что... Как я погляжу – многие по нынешним временам промышляют. И ничего, получше других живут. Работнички ножа и топора, романтики с большой дороги...

Данил криво усмехнулся. Леха, конечно же, говорил о Братстве – трудно было об этом не догадаться.

– Право сильного, – покивал он. – Вот что я тебе скажу, Леха. Мы уже попытались им воспользоваться. И где мы теперь? – он обвел вокруг взглядом. – В жалкой конуре сидим. В бегах. И знаешь что? Меня эта мысль в последнее время все чаще и чаще посещает – а может быть прав был тогда отец Кирилл, когда предостеречь пытался?.. Может, выжили бы и без этого клятого похода?..

– Не знаю, командир, – ответил Маньяк, уставившись в огонь. – Сложный вопрос. Не все так однозначно...

– Да, я ж тогда первый с ним и спорил, – продолжал, словно не слыша, Данил. – Доказывал... Право на силу, право на жизнь... Но он в жизненном опыте своем гораздо мудрее меня оказался. Палка о двух концах – вот как он сказал. Если ты поступаешь по праву сильного с другими – будь готов, что однажды так же поступят и с тобой. И получили мы по башке этой самой палкой, другим концом. Так получили, что мозги набекрень... Но

знаете... – он помолчал немного, вороша палкой яркие угли. – Одно я точно понял... Сила – она тогда правая, когда на добрые дела идет. Сильный человек – добрый человек.

– Так что же – смириться теперь? – прищурился с вызовом Хирург. – Сидеть и соплями истекать?

– А вот это уж хрен. У нас теперь последнее право имеется – право на месть. И мы в своем праве, не сомневайся. Выдерем у Братства плотку. Ради того только жить теперь стоит, чтобы врагу в зенки его потухшие глянуть...

– А как же – добро?.. – с издевкой послышалось вдруг справа, и из темноты появился Батарей. – Ты же сам только что говорил: сильный человек – добрый человек... Так может это... простим? Мы же первые и начали...

– Добро – не всепрощение. Не по Новому завету, морду под удары подставлять, а по Старому – око за око, зуб за зуб. Добро – оно должно быть с кулаками. Вот когда раздавим гадину, вытянем своих – тогда и добрыми станем, – сказал Добрынин. – Тогда и прощать будем. Ты соленое с кислым не путай... Если и есть нам у кого прощения простить – так это у тех, кого мы на севере разбили. А с Братством... Нет у нас такого права – на добро, милость и прощение. Только право на месть и осталось.

Он умолк.

Молчали и остальные. Слышен был только треск поленьев да шум ветра в кронах деревьев. Разговор начался как-то внезапно и столь же внезапно оборвался, оставив впечатление какой-то незавершенности... Данил не знал, что уж там думали остальные – а он, пройдя все выпавшие на его долю за последние месяцы испытания, теперь уже не мог так однозначно и твердо сказать, кто же был прав в том последнем споре с отцом Кириллом. Вроде бы и на правое дело шел, за Убежище радел – но грабить шел, несправедным путем пропитание добывать. Ведь и нищий, просящий милостыню, только тогда жалость вызывает, когда голову до земли клонит и руку протягивает... А как возьмется за нож, почувет в себе силу – тогда уж не нищий он, а грабитель с большой дороги. И с таким уж совсем другой разговор... Но – и он, нищий, тоже в своем праве! Ему жить охота!.. Вот как, скажите на милость, во всем этом разобраться? Тут для философов спор, не для воина... Вот и дед всегда говорил, что защищать свой дом и семью – первейший долг и обязанность любого мужчины! Но как защитить, если для того убить нужно, если нет другого выхода?! Кому верить и как поступать? Тяжело...

С этими мыслями он и уснул.

Глава 5

Финт ушами

– Командир... Командир!.. Добрыня, твою мать! Просыпайся!..

Данил вскочил, одурело оглядываясь по сторонам. Тяжелая со сна голова соображала туго. Оно и понятно – день выдался трудный и организм, оказавшись в тепле, комфорте и безопасности, пытался компенсировать дневные нагрузки глубокой богатырской отключкой.

Костер уже не пылал так весело, как накануне вечером – тлел жаркими углями, бросая красноватые отсветы на стены коровника, на лежащих вповалку бойцов. «Два, четыре, шесть...» – принялся автоматически считать он личный состав...

– Давай, подъем... Дан, похоже, гости...

Добрынин оглянулся – рядом, у изголовья, на корточках присел Пашка. Сон слетел в мгновение ока.

– Где?!

– С севера...

Данил сорвался с места, подхватывая прислоненный к кирпичной стене «Винторез», и понимая свою ошибку. Не там растяжки сосредоточил, балбес, – но кто же мог знать, что с другой стороны пойдут?!

– Кто у нас там? – спросил уже на ходу, ныряя в дыру в стене коровника и натягивая шлем. – Где сидят?

– Цимус, один, – зашептал Пашка прямо в ухо. От луны в небе остался лишь тонкий серп, но даже в этом призрачном свете Данил сумел различить руку товарища, коей он тыкал куда-то прямо перед собой. – Перед нами, метров тридцать, в заросшей траншее. По связи передал – впереди в зарослях слышал шум.

– Минировали там много?

– Так... мелочи... Сам же не велел!

– Что с других направлений?

– Пока тихо – но кто знает... Ловушка может быть...

– Долго я спал? Время сколько?

– Полпятого утра... Три раза посты меняли. Считай, часов шесть продрых...

Данил кивнул, лихорадочно соображая. Вполне может быть и ловушка – особенно если загонщики не дураки и дело свое знают. А в том, что бойцы в Братстве не пальцем деланные – он уже успел убедиться... Прямой штурм с южного направления показался им, похоже, банальным и предсказуемым, вот и решили интригу закрутить. С северной стороны подойти, надавить – а с южной, на пути у отходящей группы, засаду поставить. А если еще на холмах посты выставить, окружить со всех сторон – то вообще можно как клопов передавить.

Но это – если стандартно к делу подходить, по учебнику...

– Шумы, рев моторов не слышали за ночь?

– Нет, не было.

Может и не погоня это вовсе? Может – мутант какой залетный шебуршит?..

– Цимус, Добрыня на связи. Слышишь меня? – чуть слышно прошептал он в микрофон гарнитуры. – Как у тебя?..

– Цимус на связи, – тут же отозвался боец. – По нашу душу, командир. Точно говорю.

Метров пятьдесят до них – но сейчас тихо и звук далеко разносится... Шорохи, ветки трещат, металл звякает... Пару раз силуэты темные мелькали. Скапливаются! Наверно здесь ударят!

– Пашка, поднимай людей, – принял решение Данил. – Северный дозор снимай, пусть к нам отходят.

– Ты что удумал?.. – прошептал Батарей. – В оборону садиться? Не удержим! Они не только тройной – они десятикратный перевес для штурма обеспечат! Даже если и сдержим первый натиск – БМПТ подгонят и покрошат нас в капусту... Отходить надо!

– Как отходить, Паша? На юг? Назад к деревушке? На свои же растяжки? А вдобавок на засаду налетим – лучше будет? Или ты через холмы хочешь пролезть, по открытой местности? Так там вообще все просматривается, как на ладони! Ни укрытий, ничего...

– Пройдем по темноте...

– Думаешь, ПНВ у них нет?

Пашка молчал, понимая всю объективность приведенных доводов.

– Короче, – Данил легонько пихнул его в плечо. – Давай... выполняй. Есть вариант... Чем быстрее соберемся – тем больше шансов.

Батарей бесшумно канул во тьму коровника.

– Отходи, Толя, отходи назад, – вновь выходя на связь с Цимусом, торопливо зашептал Данил. – Потихоньку, осторожно... Не шуми только, я тебя исключительно об этом прошу! Давай прямо к коровнику. Прикрою если что...

– Принял, снимаюсь...

Данил попятился, неотрывно глядя вперед, поводя стволом ВСС и контролируя пространство перед собой. Шаг, другой, третий... На четвертом, упершись задницей в кирпичную стену, сместился правее, нащупывая пролом. Забрался внутрь, уселся на правое колено, укрываясь за кирпичной кладкой и продолжая все так же пристально следить за темнотой впереди. Пулемет бы сюда... Для обороны плотность огня нужна повыше раз этак в пять, не с его винтовкой в прикрытии сидеть – да вот только некогда пулеметчика вызывать. Кто их знает, сколько они уже там копят... Того и гляди начнут. Лишь бы Толик добраться успел...

Обошлось. Спустя минуты три из тьмы вынырнула серая фигура Цимуса. Боец полз, опираясь на локти и колени, и держа тело на весу, чтобы не цепляться снарягой за траву и производить как можно меньше шума. Юркнул в пролом, прижался к стене с противоположной стороны, обнимая автомат и глядя на командира.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Мазановка – пригород г. Сердобска.

Река, протекающая по южной окраине города.

КПП – контрольно-пропускной пункт. Все описываемое здесь имеет место быть и в реальности. Чем занимается войсковая часть, и, тем более, что там за вторым периметром – никто в городе не знает. Вот вам и маленький городишко...

ЗАС – засекречивающая аппаратура связи. Аппаратура шифрования, применяемая для шифровки и расшифровки информации.

БМПТ «Терминатор» – боевая машина огневой поддержки. Предназначена для действия в составе танковых формирований с целью поражения живой силы противника, оснащенной гранатометами, противотанковыми комплексами и т. п.

Зеленый Дол – поселок в пригороде г. Сердобска.

ИРП – армейский индивидуальный рацион питания.